Виктор Рассохин
•
Сергей Рассохин

МЫ ВАС ЛЮБИМ, ФРОНТОВИКИ!

(Жизнь не по рифме)

г. Орёл
2008

ББК 84(2р)–5
Р 24

Виктор Рассохин, Сергей Рассохин
Р 24 **Мы вас любим, фронтовики!** (Жизнь не по рифме). — Орёл, 2008. — С. 236.
ББК 84(2р)–5

Новая книга отца и сына — Виктора и Сергея Рассохиных — посвящена дебрям цивилизации, из которых ещё долго выбираться человечеству, если оно не вглядится в себя пристально и самокритично — от быта до космических устремлений...

Первая часть тиража, подарена ветеранам войн и труда, СМИ и библиотекам к празднованию 1 и 9 мая 2008 года, ибо нет выше и святее людей, освободивших Родину от захватчиков.

ISBN 5–89436–090–0 © В. В. Рассохин,
© С.В. Рассохин, 2008

МЫ ВАС ЛЮБИМ, ФРОНТОВИКИ!

«ЧЁРНЫЙ СКОРЫЙ»

Едут эшелоны в даль России,
Топки паровозные горят.
Угли, словно жизни молодые,
С искрами уходят в дымный чад.

Под гудки мелькают полустанки,
За перроном следует перрон.
Здесь уже, браток, не до тальянки —
Горечь песни сузила вагон.

Едут в нём евреи и литовцы,
Русские, чеченцы — все «вражьё».
Кулаки, монахи и махновцы,
И поэт, клеймивший вороньё.

Кипяток. Сухарь. Щепотка соли.
Курят по затяжке самосад.
Испытав весь ужас новой воли,
Мчат в ГУЛАГ, где нет путей назад.

Конвоиры — люди силовые:
Выстрелом распнут за красный флаг!
По этапам движется Россия,
А в Берлине немцы жгут рейхстаг…

ПРОСТАК

Гроза бульваров — Жора Прыткий,
Шпановый вождь у тех, кто мал,
За голых баб, что на открытке,
Опять в милицию попал.

И вроде бы не дебоширил,
Не «щупал» люд и не курил,
Не рыл бельё в чужой квартире,
И рынок вовсе не «бомбил».

Так — хулиган, свалились беды,
Семью унёс военный шквал.
Окончил школу в год Победы,
Да мир блатной захоботал.

Сидит теперь в истёртой робе
Не за себя, а за «друзей».
За дурь грабительских утопий
Пропал любитель голубей…

ВОСКРЕСНЫЙ БАЗАР

Гляжу на гвалт полурассеянно,
Слова здесь в силе «НА» и «ДАЙ».
Как в мире всё зафарисеено:
Продай — купи, купи — продай.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ФИНСКОЙ

В пивной накурено – на век,
Одеты одинково.
Герой, подлец и просто зэк
В таранке ищут слабого.

В топорно-матовом дыму
Пропасть величью снегову.
В могилу лёг взамен тюрьмы
Пилот до мая сорок первого...

ЯСТРЕБ

Я выстрелил. Тяжёлый, словно камень,
Он на стерню ершистую упал.
И даже мёртвый острыми когтями
Растерзанного голубя держал.

И вот теперь, когда вхожу в музеи
Москвы, Владивостока и Орла,
Я вижу, как загадочно сереют
В застывшей хищной позе чучела.

Мне кажется, что он всё также хваток,
Что он для птиц — извечная гроза
Даже такой, когда набит он ватой
И у него стеклянные глаза.

ЖЕЛАННАЯ

Росла — любила шоколадки,
По пустякам кривила рот.
И шла за теми без оглядки,
Кто кулаком своим блеснёт.

Кого из шумного квартала
Твоя не радовала стать?
Ночами часто тосковала
По телу юному кровать.

И, возвратясь домой уставшей,
Освободясь от цепких рук,
Ты лгала матери не спавшей,
Что ночевала у подруг.

В июнь — тебе не до ромашек,
Гадать по суженому лень.
И ты меняешь Колек, Сашек,
Как босоножки, — через день.

Живи, во всём преуспевая,
И ложь нанизывай на ложь.
А мать уже полуживая
От свадьбы той, что ты не ждёшь…

БУМЕРАНГ ВОЙНЫ

У Оки выпивают фрицы,
Вспоминая аншлюс и Париж.
Растеряли бюргеров вдосталь,
До Берлина из Русланда крик.

Монстром силы давили народы,
Шовинизмом топили смех.
За Ла-Маншем и Эль-Аламейном
Помнят взрывы и бомбы свист…

Подвела их нацистская догма
Под погосты на мерзлоте.
И дворяне из войн минувших
Проклинали их на кресте.

Жаль, Оку вспоминали реже,
Больше — Одер и Эльбы союз.
Оглянуться хотели немцы,
А вокруг — сплошняком капут.

А потом из «великого рейха»
В мир пришли ГДР-ФРГ.
За погосты по всей Европе —
Отомстили сыны извне!

МЕДИЧКА

Раю знали в медсанбате,
За умение сгладить боль.
Девку чтили не раз, и в мате,
За желание всем помочь.

Она пела то, что просили,
Целовала бойцов-калек.
И, когда пора приходила,
Сочиняла письма для них.

Всё путём бы, но мглой под Мгою,
На разделе блокад-пайков
Её жизнь оборвал смертельный
Мессершмиттовский пулемёт…

ЛУЧ ДОБРА

И на Севере диком, в прекрасной Алупке,
Если люди поймут назначенье луча,
Будут реже кричать в телефонные трубки,
Захлебнувшись слезами: «Пришлите врача!»

ХУДОЖНИКУ

Я подходил к твоим холстам,
Хвалю — что РАМКИ делал сам.

ОККУПАЦИЯ

По Болховской проходят BMW,
Под стрёкот выхлопа не слышно причитаний.
Малыш в кепчонке скрылся во дворе,
В кювете пёс облезлый издыхает.

Не стало ярких кумачей,
Энкавэдистов и евреев.
В шрифты надолго ляжет «Речь»,
И сотни забеременеют…

Всплывут предатели страны,
Уйдут в подполье патриоты.
За Букиным следил «Жорес»,
За Сечкиным и Берзиным — герр Букин.

О, мой Орёл, ты столько перенёс!
И счастливы бессмертные герои,
Что ты, Орёл, остался, как Орёл,
А не как символ вражеской эпохи.

ИНТЕНДАНТ

Буксуя в снегах и топях,
Матерясь, на чём свет стоит,
Снабженец фронтов проехал,
Без малого — пол-Земли.

Он мало стрелял в дорогах,
Но много курил и не спал.
Спасал шоферов он многих
От мин и вояк в лесах.

Задача — доставить грузы,
Не сможешь прибыть — умри…
И сам он вертел баранку,
Напарником до зари.

Его не нашла награда
И грамоты — обошли.
Ушёл интендант недавно,
С осколками во груди…

КУРСКИМ ЛИТЕРАТОРАМ

От Рыльска и до Понырей,
От Солнцево до Льгова
Нас привело к сердцам людей
Взволнованное слово.
Бери их свет и сам свети,
И в этом — истина пути.

ПЕРЕДАЧИ ДРУЖБЫ

По грунтовке катят «ЗИСы»,
Не по-русски клаксон гудит.
Вслед за «Эмками» переправу
Покидают грузовики.

Хоть надёжны, да всё на дюймах.
По Ленд-Лизу конвоями шли
«Студебеккеры» и «Джип-Мэны»
С не познавшей войны земли.

А Россия — не Оклахома,
И Европа — не Арканзас.
И какое дело машинам,
Окинава тут иль Тросна.

За смекалистость русских выпьем,
За сердечность янки — дольём!
И помянем солдат всех наций,
Кто погиб на войне со Злом.

БУДЬ ЗОРЧЕ!

Воро́ны есть
сильней орла,
Хоть меньше клюв
и взмах крыла.

ШТРАФБАТ ГЕРОЕВ

Атаку сломили дзоты,
Лицом легли в чернозём
Отцы и юнцы расейские,
Бежавшие напролом.

«Вину» искупили кровью,
Грехов не признал никто.
Лежат штрафники под шрапнелью,
«MG» — ставит клеймо...

— Под мушкой не дёрнешь задом, —
Ворчит старшина под ребром.
— Сюда бы «Катюшек» для страху! —
Поддерживают его...

К закату взяли селение
Резервы из свежих сил.
Не скоро узнают мамы
Участь своих сыновей.

Штрафбат уничтожил дзоты,
Ценою жизни ребят.
Бетон крепостей не скажет,
ЧТО было в бою и КАК...

ЛЕТОПИСЦАМ ВОЙНЫ

У Твардовского «Тёркин» в опале,
Недогонова — не поймут.
Рифму Павла Шубина сжали,
Смелякова стихи — не идут.

Окуджаву пока не знают,
Про Гудзенко не говорят.
И Старшинова унижают,
Под сто грамм и под «Жди меня».

Солженицын ещё в ГУЛАГе,
И Стаднюк — душою в Москве.
Батька Шолохов на привале
Повстречал Соколова во сне.

Михалков прославляет Сталина,
В ногу с ним Джабаев идёт.
У ровесников — вирши в загоне,
Тиранию борцы клянут.

А когда она рухнет пылью,
И Хрущёвым сожмётся в кулак,
Не все названные из творивших
Обретут свой покой в листах…

ПО ДОЛГУ МЕСТИ

Леса хранят легенды партизан.
Народ хранит их имена и славу.
За эпопею рельсовой войны,
За дерзость при отстреле оккупантов.

Скрываться месяц можно незаметно,
Скрываться два — проблема для троих.
Но лес России прятал тыщи местных,
И тех, кто верил в силу СССР.

Пусть снаряженье шло подчас трофейным,
И долго шло письмо с Большой земли.
Товарищи в землянках и чащобах
Искали путь спасения страны…

ОСИЛИМ?

Без часов немыслима квартира.
Жаворонков знаю я и сов.
Но судьба всего цветного мира
Улеглась меж стрелками часов.

Время ли московское нам светит,
Время ли бежит от Гринвича,
Не пора ль воинственной планете
Перейти к оралу от меча?!

РАДИОПРИЗНАНИЕ

Старушке — восемьдесят лет,
Как юный голос сохранила?
Её объектом был конверт —
Что шёл с передовой и тыла.

Она вскрывала боль и грусть,
Поскольку радость обокрали.
И, обезвредив горечь чувств,
Конвертики штемпелевали.

Зачем нервировать бойца,
Когда того — давно уж нету…
Забота мудрого Отца
Не обошла и почту эту.

Война крута! Россия-мать,
Как не понять твою кручину,
Чтоб лучше было распознать
В упор стреляющих и в спину?!

Теперь в какой вложить конверт,
Все мысли тех, кого черкала…
Читала письма в двадцать лет,
А шестьдесят о том молчала.

У ПАМЯТНИКА

Замолкли гусеницы танка,
Отгрохотавшие в боях…
— О чём ты, юная гражданка?
Не муж ли в танковых частях?

— Да нет, я к дедушке, я к деду.
Звучат взволнованно слова:
Он с экипажем нёс Победу,
Убит при штурме, — в двадцать два.

КЛАВДИЯ ШУЛЬЖЕНКО

То море в Гаграх в ночь очарования,
То старый парк, где льются смех и речь,
То вас закружит плавно вальс «Молчание»,
«Записка» немекнёт о тайне встреч.

И голос, откровенный до наивности.
Захватит вашу душу целиком…
Она смогла на крыльях песен вынести
Тех, кто ранен был пулей и штыком.

В наш жёсткий век, когда глаза — полтинники,
Когда в ходу стрельба из-за угла,
Мне кажется, её платочек синенький
Трепещет одиноко против зла.

РЕДКАЯ ВСТРЕЧА

Грибы собрали до меня,
По срезу — будто накануне.
Но ту экскурсию вдоль рощ
Я никогда не позабуду.

Провёл меня вдоль них старик,
Немногословный, суеверный.
Морпех из бывших крепких рот,
Сошедших с Балтики под Питер.

Полундру он запомнил мёртво:
И глаз, и руку потерял.
Вернувшись, дом себе поставил,
И скрытно «шмайссер» содержал.

Немногословный, нелюдимый,
Прожил герой, ругая власть.
Расстались как-то неуклюже,
По мухомору наподдав...

ЧЕТВЕРО В ЗАСТОЛЬЕ

— Тяжело в деревне без нагана.
— Из нагана некого стрелять.
— Многих уложили очень рано.
— Молодёжь в деревню не загнать.

ЗА КАДРОМ

Я не хожу в квартиры ветеранов
Мне больно будоражить седину.
Я вижу, что становится их мало,
И знаю, отчего и почему.

Вокруг жмут на педали иждивенцы,
Воюют за аренду площадей.
А деды их — карали за Освенцим,
Гестаповских служак и главарей..

Тяжёл лжефестиваль патриотизма.
Я скоморохов власти узнаю.
И прохожу на хутор к ветерану,
С одной жилою хатой на краю…

ГЕНИЙ КИСТИ

Сейчас когда в боях госфлаги.
Планета жаждет тишины.
Со мной — Василий Верещагин,
Защитник мира, враг войны.

Не спорю, кто-то пишет море,
Леса, кувшинки на воде…
А он писал людское горе —
ОНО ВЕЛИКОЕ ВЕЗДЕ.

ОБОЗ

На привале тянет горохом,
И разведке бекон дают.
Инвалид, с Тухачевским шагавший,
Раздаёт «второй фронт» на круг.

Ветерана котлов походных
Не обманешь про «бутерброд»,
Когда после «Ильюшиных» — танки
К нашей границе пройдут.

А потом, во главе обоза
Друг Баландин под Веной слёг.
Изрыдались у изголовья
Харчевавшиеся у него…

…Я на «Ладе» с Москвы до Берлина
Добираюсь который раз.
И никак не пойму, не вникну:
— Где же памятник поварам???

У КАССЫ

Пришла старушка. Новая сберкнижка.
Три подписи поставила. Не слишком?
А на четвёртой — обморок убил.
Она копила… Банк их «сохранил».

СНАЙПЕР

Ночью и днём с развалин,
Доказывая глазомер,
Он бил по врагу с расстояний,
Над головами своих.

Бил выборочно-хладнокровно,
Метил в офицерьё.
Гильзы падали звонко,
Почти как и жертвы его.

Потел стрелок-одиночка
Под шквальным встречным огнём.
Прицел становился влажным,
И палец сростался с курком.

Седьмой… девятнадцатый… сотый…
Уже не вернётся в Рейх.
А снайпером была девушка,
Людмилочка из простых…

ЗАЩИТНИКИ

Их наградят потом, о них напишут.
Не скоро восстановят список тех,
Кто разумом сломил чужую волю,
«Блицкригом» возомнившую в успех.

ЗАБЫТЫЙ РАЙОН

Пыль на дорогах. Жарко.
В Брасово мчит кортеж.
Полицай комиссара Грамша
Везут на встречу к чужим.

Дивизия «ВИКИНГ» стремится
Войти под крыло РОА.
Здесь в чёрную славу Каминский
Вписал себя на века.

Обрушатся планы Власова,
И «новый порядок» сомнут.
Не только с Орловского Локтя
Предателя бить начнут.

И, годы спустя, озаренье
Приходит на ум неспроста:
Смертельные ставить точки
Не дали мы им — тогда.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Приехали. Устали от парада.
В застолье — за друзей по фронтовой.
И за спиной — четыре года ада.
Что названы Великою войной.

ТРУС

Рождённый с пороком сердца,
Прошедший туберкулёз,
Внук кулаков загубленных
К землянке своей прирос.

С ключицей раздробленной раньше
От Бреста он отступал.
И был сиротою полным,
Но правды горькой не знал.

Он видел из леса Вермахт,
Лязгающий на Москву.
И дрожь барабанила в сердце,
От страха за душу свою.

Боец не пошёл в полицаи,
Не встретил НКВД.
Он думал, что яма в чаще
Спасёт его от войны.

…Весною нашли дезертира.
Исклёванный до кости,
Замёрзший скелет сидячий
Испуг наводил на СМЕРШ.

ДОРОГА ЖИЗНИ

Когда блокадный страх сковал Пальмиру,
Когда «Нордлихт» стрельбой гасил восход,
Водители колонной по ранжиру
Мотали на протектор кровь и лёд.

Их «зисам», «эмкам», «студерам» и «газам»
Бывало, не хватало «табунов».
Хотелось поскорей немецким асам
Пустить на дно российских смельчаков.

Лёд двигался в немыслимом движенье,
И каждый метр казался, как верста.
А дети меж торпед, как меж поленьев,
Попрятались от чёрного креста.

Враг наседал, обрушивая злобу,
И бил озноб, когда тонул сосед…
Баранка представлялась, словно глобус,
Крутилась, удаляя их от бед.

О, Ладога! Трагическое счастье,
Когда от сотни — тридцать душ в живых…
Вот почему с великою печалью
По-божьему мы вспоминаем их.

КОТЕЛОК

(Рассказ солдата)

Среди атак, ранений и невзгод
Он был со мной пять лет —
Не первый год.
Мой лучший друг знал пресс
Утюжек страшных,
Убойных вмиг, осколочно-опасных.

Придёшь, коль выжил,
К кухоньке походной:
И нет как нет усталости голодной.
— Салам, друг Алишер!
Плесни горячих щей!
Промок до самых пят от снега и дождей.

Да косточку там пригляди случайно.
— Дадым! Американ-баран найн тайна.
Я слышал про вчерашних «языков».
Тэбэ не жалка тройку кателков!

— Да, я был там...
Усов я не носил.
А тут ещё племянник подкосил:
Он так спешил к победному рассвету,
Но в Бухенвальде... знаешь... ложек нету.

ПОТЕРЯ

Полковник ВВС из Нарьян-Мара
Был страсть любитель
Порыбачить всласть.
Оглохшие от нашего удара
Германцы нас устали полоскать.

Сказал он адъютанту, словно сыну:
— Воспользуйся затишьем на Руси.
Слетай-ка в обгоревшую лощину
Да парочку орешин принеси.

А сам пошёл, чтоб время не терять,
Червей в навозце тёплом накопать.
И вот река!.. Душа истомой сжата.
Природой тяжесть адская снята.
Внизу — голавль, пескарь у переката,
Вверху — лещовый омут... Красота!

Пусть поплавок из пробки
Дойче-шнапса,
Моточек лески довоенных дней...
Но время продолжало сокращаться —
Секундно жглось в поклёвках окуней.

Пора бы им до хаты, до ушицы,
Уже закат был розовато-ал,
Но снайпер с методичностью убийцы
Их возвращенье в детство оборвал.

Случаен и печален этот жребий,
Лучится память звёздами в селе…
В кинжальных схватках не погибли в небе,
За Красоту — убиты на земле.

МАРИКА РЁКК

К врагам ничтожны интересы,
Но враг не был бы тем врагом,
Когда б мы знали его песни,
А не как щёлкает затвор.

Кому нужна, кому служила,
Делила ночь, фужер вина…
Кому-то ж это было надо,
Чтобы Берлин любил тебя?!

Поймёшь ты мерзость оккупаций,
Улыбки прошлой не вернёшь.
Ты пала жертвой преступлений,
На пепле Рейха не споёшь…

МАЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Победа!!!
За шесть буквочек святых —
Союзники всю мощь вложили в них!

Не удалась фашистам гибель наций —
Разбиты бумерангом оккупаций.

Прожекторным лучом
Чуть акт не прожигая,
Фельдмаршал зрел в монокль,
С минуту не мигая.

На ужас похорон не наложить бумаг.
И самый светлый день —
Чернит коварный враг.

Казалось, мир пришёл —
Греметь аккордеонам!
Но «виллис» был подбит…
Сожжён фаустпатроном.

НАПОЛЕОН

Взойдя к зениту славы на костях,
Предпочитая натиск, чем окопы,
Он был, как рыба крупная в сетях,
У пасти торжествующей Европы.

ЭШЕЛОН

Теплушка милая!
Предмет Большой войны.
Грохочущий союз фронтов и тыла…
Твои борта огнём опалены.
Счастливцев ты из пекла вывозила.

Тук-тук! На стыках — исповедь колес.
Так-так! — сигнал осмотрщиков вагонов.
И клавишей трофейной под откос
Тебя не сбросил ужас перегонов.

Трагедия твой путь не обошла.
И вражеская ненависть слепая
Тротилом тыщи жизней унесла
Сынов Сибири, Азии, Алтая.

Конец войны. Шёл эшелон сквозь дым.
Как тяжесть горя пережить родным???

ИЗАБЕЛЛА ЮРЬЕВА

Завистливы духовные уроды,
Душили песню даже в божий день.
Но светится и светит через годы
В росе алмазной белая сирень.

Ты устояла в хаосе жестоком,
С теплом сердец не потеряла связь,
Когда тебя за нежность и за локон
Газетная охаивала мразь.

МАРЛЕН ДИТРИХ

Покинув родину сквозь силу,
Любя людей, ценя себя,
Она вложила вклад в Победу,
С американских берегов.

Над океанами и сушей
И в промежутках меж боёв
Летела мысль антифашистки,
С которой Чаплин был знаком.

Кому-то нравилась «Лили»,
Другим же — никогда.
Боролась в песне до конца,
В умах не умерла…

ПЁТР ЛЕЩЕНКО

О, как жасмином пахнет пряно,
В жасмин распахнуто окно.
И танго юности «Татьяна»
Звучит отрадно-неземно.

И я не чувствую пластинки,
Меня всего берут в полон
И колдовство цыганской скрипки,
И незабвенный баритон.

ВОР ЧЕСТИ ВОИНСКОЙ

Средь боли инвалидной белизны
Стоял заезжий ветеран-гвардеец.
Не трогал поминальной он струны —
На то мальцы из разных «Правд» имелись.

Он освещён был отсветом знамён,
И вроде бы ОМОНа чуть стеснялся.
Не знал народ, пришедший на поклон,
Чем белый старец в прошлом занимался.

Раздался крик — как гром из ничего.
Старуха узловатою клюкою
Старалась сбить с приезжего героя
Все ордена, что были не его.

Всю жизнь подлец носил чужую славу.
Был полицаем… Не попал в тюрьму.
Солдата финкой ткнул он под Бреслау…
ВОЗМЕЗДИЕ — аукнулось ему.

ОШИБКА

Не тем я дал рекомендации,
Бог с ними — не беру отвод.
Они уходят в ресторации,
А надо бы — ИДТИ В НАРОД!

БЕЗ ВЕРЫ

Сундук с железными углами,
В седой фольге иконостас,
И внучками, и дочерями
Всё разобралось в скорбный час.

Переделили чашки, ложки,
В шкатулке — медные гроши.
Церковным книжкам под обложки
Совали острые ножи.

Искали деньги, как малину,
И жажда так была остра,
Что даже старую перину
Распотрошили до пера.

В родном дому столь пуха вилось,
Он мокрый снег напоминал.
А мать за них всю жизнь молилась,
Чтоб дьявол их не искушал.

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕТ

В истории военного азарта
Сопутствует победа не всегда…
Японцам даже солнечная Ялта
Запомнилась, как Южный полюс льда.

«БОЖЕСТВО»

Сей кумир познаётся не сразу,
Он всегда за чужою спиной.
Но однажды он выкинет фразу
Через слуг, овладевших толпой.

Ту толпу будет двигать на войны
За кордоны и против своих,
Убирая благих и достойных,
Размножая глухих и немых.

Немота может длиться веками,
Глухота не пройдёт и в веках.
И народ, если дружит с верхами,
Остаётся всегда в дураках.

ХУДОЖНИК

На гимнастёрке орден Славы,
Пейзаж — на каждом полотне.
Атаки нет, нет переправы,
Тарана в мшарной вышине.

Вопрос на выставке: — Дедуля,
Ну, как войну ты проглядел?
— Вы правы... но цветы — не пули.
От пуль я рано поседел.

НА ПОПУТНОЙ

Водитель жал, он был из крепких асов,
Его «УАЗ» месил ночную тьму.
— А кто у вас глава?
— Сизоколбасов,
— Народ уже не тянется к нему.

И меткую дал кличку — «Розенбаум».
Артист большой, и есть вверху «рука».
Открыл в столице «сливочный» шлагбаум,
В райцентре нет стакана молока.

Но люди наши добрые, ей-богу,
Поглубже глянут в корень и на рост,
За что он чтит железную дорогу,
Стремясь железно на высокий пост.

МЕЧЕНЫЙ

Косясь на власть, презрев Победный май,
К реке уходит бывший полицай.
Он десять лет в Сибири отмахал,
Где руку отхватил лесоповал.

Хатёнка, на отшибе, словно скит.
На берегу он сумрачный сидит.
У меченого рыба не клюёт,
И на мели он ставит перемёт.

СТЫДНО!

Мундирами торгуют на Арбате,
Медали продают и ордена.
Так в центре «вспоминает» о солдате
Значково-нумизматская шпана.

Ужели так незряч градоначальник?
Ужели шоры у прокуратур?
Народ молчит — извечный наш молчальник,
Культурнейший — из всех псевдокультур.

Торгуйте, торгаши, — но знайте меру,
Торгуя, не продайте свою мать!
Я знаю, что плюёте вы на веру,
Когда банкноты надо трамбовать.

Господь, ты видишь всё, что гадко в мире,
Но образумь, хотя бы россиян,
Чтоб эта мразь, не бывшая в мундире,
Не оскорбляла памяти славян.

ПОДЖИГАТЕЛЯМ ВОЙНЫ

В который раз весь мир ввергался в битву?!
Но я прошу один момент учесть:
Цирюльники всегда имеют бритву,
Чтобы тиранам горло пересечь.

ЗАТМЕНИЕ

Бьют старушек, бьют детей.
Гаражи громят и дачи.
Как же этих нелюдей
К лучшей жизни приначить?

Неужели не поймут,
Алчно жертву карауля,
Что вершина счастья — труд,
Ни финарь, ни яд, ни пуля.

Как вернуть преступный сброд,
От карманника до босса,
Не в бараки, а в народ —
В ясный ум великоросса?

СЕЛЬСКИЙ МУДРЕЦ

— Крематории нам не нужны,
Как фальшивые думские речи.
Не сужайте размер страны —
На весь мир начадили печи.

Мало ль что вразумит Москва,
У неё — то лицо, то маска...
Лишь бы в людях была жива
При оградах — Святая Пасха.

КРОВАВЫЙ ХМЕЛЬ

Куда ни глянь — водяра на прилавках,
Непьющие спивают мужиков.
А тот мужик был мало что хозяин —
Державушку сквозь войны проволок…

Кричит теперь под стопку и без стопки:
— Берлин за мной, Японию громил…
Солдаты наши были не из робких,
Кто в жизни мирной дух им надломил?

ЭДИТ ПИАФ

Познав тщету блатных борделей,
Живя без франка иногда,
Непостижимой силой шарма
Завоевала ты сердца.

Союзник или надзиратель,
Предприниматель и клошар
Войну отталкивал от уха,
Чтоб слышать бивший в «р» талант.

Взлетев повыше Эйфель-шпиля,
Простачка на разрухе стран
Про независимость кричала,
И Шарль де Голль ей подпевал.

* * *

Далёким прошлым пахнет хуторочек,
Репей у хат, сухие деревца.
Отсюда вот без всяких проволочек
Ушли на фронт простецкие сердца.

Круша врага — величьем безымянным,
Ушли на смерть, смотря вперёд на век,
Чтоб край родной не зарастал бурьяном,
Предательством нью-нэповских калек!

БЛУЖДАНИЕ

Все балконы рифмой разбудились,
Шествует поэт, хмельной в ночи.
Много здесь ушей потусторонних —
Двое лишь базарят про харчи.

И забылась в крике наболевшем
Смелость доносительства веков.
Там, где «демократия» шагает,
Пуля убирает правдюков.

Можно ошибиться в ценах опта,
Мэра не понять в скрижалях дней.
Трудно оставаться человеком,
Неподкупным наглости властей.

В ЧЕСТЬ ПОБЕДЫ!

Твардовского мы вспоминали к дате,
Прав Тёркин Вася, что ни говори:
— Негоже водку нам на кожу тратить,
На праздник — разотрёмся изнутри!

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

— Всё учат нас: «Умейте зло прощать!»
— Мы обожглись давно в энтузиазме.
— «Наставникам» рога бы посбивать,
Застрявшим в реформаторском маразме!

ПРОСЬБА ЖИВОТНОВОДА

— Живём мы без копейки, как туземцы,
Хотя растим молочных поросят.
Но почему родные выдвиженцы
На это мясо — западно глядят?

И я скажу — не подло и не звонко,
Жил под гербом, теперь в тени орла.
Была американская тушёнка,
Что в годы огневые помогла.

У нас же — ни война, ни лихолетье,
Накормим флот, не подведём войска.
Но просьба есть: кремлёвское разветье
Пускай не обижает мужика.

В ПОЛЯХ

— Вы далеко?
— Да вот проведать сына.
Как он, бывало, я несу обед.
И, опершись на палку из лещины,
По пахоте вышагивает дед.

— Подъехали б!
— Не уморюсь... пешою.
И так он лёгок в поступи своей,
Что, кажется, есть крылья за спиною —
И мне отрадно стало за людей.

САМОЛЁТ ЗЕМЛЯКА

Будь славен, поликарповский «У-2»,
Хребет войны ломавший днём и ночью.
Шла впереди пропеллера молва:
Враг убедился в натиске воочью.

Не избежали вечной тишины
Носители блицкриговской доктрины.
А сыновья и дочери страны
Вошли в бессмертье из твоей кабины.

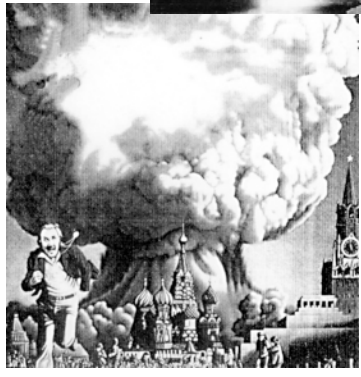
ЗАПОВЕДЬ

От войн есть мощный элексир:
ВСЁ ЗОЛОТО — ИДЁТ НА МИР!

ИСКАЖЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

ШТРИХ БИОГРАФИИ

Завалы заморской снеди
В рвачестве молодых —
Подсократили годы
Страждущих и седых.

Мозоль отрывается с болью,
А тут — исчез человек.
В многомоторном хламе
Законит пещерный век.

Будет ответ ли, нет ли???
Поэт, хужей дурака,
Дарит себя без печали,
Но жадность — не бьёт строка.

ОБРАЩЕНИЕ

Далеко началось предательство.
У Христа оно на челе.
ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА,
ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА,
ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НА ЗЕМЛЕ!

Почему же Иуда выиграл.
Человека согнул в дугу???
Загляните в себя на выдохе —
Отвечайте — я помогу!

СЛЕСАРЁНОК

Кормилец рос к призыву трудно.
Душонки в нём — что капля в бак.
Он был смышлёным подмастерьем,
Любил верстак, чинил «Урал».

Мотоциклет в сарай забросил,
Пошёл на сервис помогать.
Недавно — парня застрелили,
Ключи к судьбе не подобрать…

НЕ ТОТ БЫТ

В капкане мучений тяжких,
В хаосе ЖКХ,
Изобрели мы средство —
Кандалы из рубля.

Можно — из бакса и евро,
Можно — в кредит-наём.
Аренда тупоголовья
Оплачена ночью и днём!

ВО ДВОРЕ

Игра будет вечна — она ль виновата?
Я вижу, ребята стучат в домино.
Не слышу пока трёхэтажного мата,
Но ненависть зреет, как в поле зерно.

КУДА ИДЁМ?

Река кормила люд веками —
Плотвою, щукой, пескарём.
Здесь утки жили, не слетая,
Бобры любили омуты.

А в век ракетный — всё исчезло!
Ракиты валят для печей.
Вновь ущемлённые крестьяне
Клянут убожество властей.

Из ста дворов — осталась тройка,
Берёзов лес — ушёл в трубу.
Ил затянул слоями гравий,
Где детство билось, как гольцы.

Тут даже цапли не бывает,
Лишь коршун, редкий как орёл,
Мышей приглядывает с неба,
Да раз зимой — кабан прошёл…

ВАРИАНТЫ «БЕССМЕРТИЯ»

Зачем искать в Египте виды?
У нас бум строек не затих.
Дома в стране, как пирамиды —
Хеопсов малых, но живых.

ЗАВЕЩАНИЕ ДЕДА

— Я умру, живите вы по-братски,
Но потратив душу на полях,
Укажу, что вы молчали нагло,
Когда Мир был в атомных грибах.

Цены я один не поломаю,
Предки — перепроданы в у. е.
Денег нет, вам землю завещаю —
Не спалите в злобе и огне…

РОДИМОЙ СТОРОНОЮ

Солнце поднимается с натяжкой,
Над холмом, покрывшим тенью пруд.
Косари — не просыпают росы,
Рыбаки — поклёвок с ночи ждут.

Но дожди не смыли чьей-то боли,
Хоть грибов и ягод — несть числа…
На погост всё чаще провожают
Люд работный древнего села.

МНЕНИЕ

Сказала старая цыганка:
— В стране не выборы — шарманка.
Какого лидера не тронь –
Усталый мерин, а не конь.

ПЕРЕБОЛЕВШЕЕ

Уменью лгать не учат в ВУЗах,
Не терпят в храмах воровства.
Теперь страна стоит на хамах,
Скулит дворняжкой у мясца.

Красноречивей нету буден,
Подлей не будет естества,
Террор взрывается, как бубен,
И рвутся нервы и права.

ВЕЛИКОПРОДАЖНОСТЬ

Катит лес далеко за границу,
Рыбка с крабом плывут за кордон.
Много зрелых мужчин на том свете
Не раскроют дебильство времён.

А живые — с Гавайев — на нары!
И в Москве попадает под срок
Окрещённый кормильцем Отчизны —
Подрасстрельный Дальний Восток.

ТЕРПИМОСТЬ

От государственных путан
Не стал светлее наш экран.
Аж до небес разросся штат,
Но… миллионы жён молчат.

В ГЛУБИНКЕ

На кладбище просто — как жили,
Нет бронзово-мраморных вех.
Цветы не на каждой могиле,
Оградки стоят не на всех.

И в этом затишье заречном,
Где в каждой судьбине — страна,
Подумал я, мысля о вечном:
РОСА ЗДЕСЬ ОТ СЛЁЗ СОЛОНА...

НЕЗАДАЧА

Химера власти скрыта в повседневье,
Так любят нас учить, работать, есть.
Представьте на минуту в униженье:
Бесчестный — проповедует нам честь!

НАШЕНСКОЕ

Загадили мы Родину святую,
Уменьем прогибаться под дензнак.
Уже и землю заложили всуе,
Сквозь ток проходят лоси и судак.

Пиратству чуждо племя молодое,
Рубль-доллар ныне ценится — не труд.
А там, где «зачищают» горы боем,
Коран и Библию шрапнелью «берегут»…

ОЧЕВИДНОЕ — НЕВЕРОЯТНОЕ

Дивлюсь матёрости властей,
Пенсионеры в кресло сели!
Пора б штурвалу быть юней,
А то ж кругом — закоксовели…

Авторитарности — почёт,
В наёме СМИ и суд с оглядкой.
Мудрец державный пусть поймёт:
Кто кривдой строит рай и взяткой.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ДВОР

С утра, в закат сидим мы в ожиданьи
Карманов, проходящих мимо нас.
В чужом наличье — наше состраданье,
В межсуточном угаре — слёзность глаз.

А были мы — династией рабочей,
И жили мы Госпланом и брачком.
Считаем мы по курсу днём и ночью
Бутылки с ослабевшим первачом.

Дешёвая отрава силы вяжет,
И градусность толкает на разбой.
А утром одного из бедолажек
Без панихиды помянут землёй…

* * *

Эх, бизнесмены, вас корить не стану!
При фонде — не впадайте в беспредел.
Хотя бы улыбнитесь ветерану,
Он в двадцать раз постарше ваших «дел»…

* * *

Тралом, невидимой сетью,
Кроются жизни людей.
Здесь не увидишь улыбки —
Тут покрывают чертей.

Слышится озлобленье
В лексике молодых —
Видим мы укрощенье
Доблестных и седых.

В многокупюрном дурмане —
Круговорот истцов.
Бреднями кроют славу
Живых и мёртвых отцов…

ИСТИНА

Где-то мракобесы и невежды
Для неё возводят эшафот.
Только не убить её надежды:
ВСЯ ПЛАНЕТА — К ИСТИНЕ ПРИДЁТ!

* * *

Попривыкли к комфорту,
Никого не любя.
Есть цена наших суток —
Она выше рубля.

Не прошлёпай, редактор,
Откровения строк,
Что чрезмерная роскошь
Даже странам — не впрок!

* * *

Куда тебя забросило, афганец!
Вернулся сиротою ты домой.
Пройдя через душманские атаки,
Ты спился в бессердечности людской…

КОЩУНСТВО

Храм на асфальте — под ногами.
Детей не надо приучать,
Чтоб разноцветными мелками
Кресты и купол рисовать.

А ведь класс-дамы были рядом,
И класс-мужчины не вдали.
…Стояли к церкви долго задом,
И в церковь нынче не вошли.

* * *

Подавлено сообщество людское,
Хотя на рынках вроде благодать.
Оделись все в прекрасное чужое,
Но чаще вспоминают «чью-то» мать.

И цирк по центру
Юмором не дышит,
Любя бензин,
Забыли, что есть плуг…

Поверьте, если б Дарвин
К людям вышел,
Он обезьян назвал бы —
«ГОМО ДРУГ»…

* * *

Сограждане, увидьте отраженье
Самих себя, в суетности такой:
Давайте бойкотировать глумленье
Тех, кто народ привык считать толпой.

РАВНОДУШНЫМ

Какой закон не напиши,
Законы испокон чреваты.
В окаменелости души
Живые — сами виноваты.

«НАРОДОЛЮБЦАМ»

Многопартийность — почва для сокрытий
Ущербности на жизненном пути.
Рискните болтунов вернуть в те годы,
Когда они по судьбам наверх шли.

Но в жизни — приключились искаженья,
Усвоив ловко исповедь рабов,
Из грязи — в князи, из хамья — в партийцев
Перепорхнули через кровь веков.

Раскол движений — почва для обмана,
Мешком прикрас не сдобришь нынче рас.
«Народолюбцы», горы обещая,
При микровласти — покидают нас!

МИМО ИНВЕСТИЦИЙ

Уроном сон пришёл в эпоху рынка,
Народу закрываются глаза
На произвол, идущий из столицы,
На розвальни убитого села.

Где трактор был — разбросаны детали,
Где в пляс звала гармонь — пророс лопух.
А там, где вражьи танки не бывали,
Геройски гибнет «армия» хапуг.

Куда спешат сыночки деревенек?
В глазах рябит от макияжных дур —

Откуда появилась у них старость,
Влюблённая в наличие купюр?

А каждому — покушать надо много,
И деточкам вперёд тетради — «Марс»,
Куда же ты придёшь, моя Россия,
Кто друг и враг и где твой звёздный час?..

В ЗЕРКАЛЕ НЭПа

Всё вы видите, россияне,
Кто в политике, что в казне.
Как грибы растут на поляне,
Так и банки растут в стране.

В них — охрана до полуроты,
Смотришь в лица, а нет лица.
Научились считать банкноты,
Разучились читать сердца.

Вместо лошади — «Мерседесы»,
Дай Багамы и казино.
В голодающую Россию
Не поверит в миру никто....

БЕЗЛИКАЯ ПРЕССА

Не стыдно ли печати пред Европой?
Редактора глумятся над страной.
Одни газеты к людям стали попой,
Другие — детородной стороной.

ВРЕДНАЯ ПРАВДА

Вскипая мудростью великой,
Ломая сердце и глаза,
Поэт доносит до народа
Недоносимое всегда.

В нём боль людская этажами
Сквозь грязь веков не ищет бронь.
Но в дни коммерческого бега
Деньгою правит шелупонь.

Здесь аферист на аферисте
Хворают манией страстей.
В них не вскипает счастье истин,
Но есть девиз: «Прожить наглей!»

БУРЖУЙЧИК

Приобрёл сосед машину,
Жжёт цистернами бензин,
Мчась от склада к магазину,
С базы снова в магазин.

Стал он вежливо-проворный,
Изучил, как алфавит,
Не парадный вход — а черный:
Каждый раз туда рулит.

Маслом, птицей и тушёнкой
Загрузился — жмёт педаль.
«Жигули» рычат трёхтонкой,
Аж глушитель трёт асфальт!

Неужели жизнь припёрла?
На больничный стал режим?
Может, ест сосед в три горла?
Нет, он с горлышком одним…

Бар устроил, душ с буфетом,
Там коньяк на коньяке.
А прозаиков-поэтов
Свёз «вторичникам» в мешке.

— Что читать их, голодранцев?
Не наступит в мире рай…
Все за правду лезут драться!
Сами пьют десятый чай.

Босота!!! А мы — с усами!
Окопался — не собьёшь:
Давит души «Жигулями»,
Что царапин не найдёшь.

У такого — с краю хата,
В грудь стучит: «Я — человек!»
Вот какого нам со… брата
Подарил ракетный век.

ИСКАЖЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

В тиши пруда застыла осень,
Горит листва, в закат глядясь.
Деревня клонится в зимовку,
Карп в ил ушёл, в глубины — язь.

Овечки, гуси в луг остылый,
На малой речке — льдистый край.
И пар исходит от кобылы,
И доят позже, чем пьют чай.

Хочу, нарушив все запреты,
Чтоб здесь улыбка расцвела!!!
Но в «Новостях» прошли «декреты»
Бесперспективности села…

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

Церковь восстановили,
В школу компьютер вхож.
Заждались тут мини-«бога» —
Все «плюсики» от него.

Но поздно взметнулся купол,
В земле — не одна судьба.
Рекламе большой «заботы»
Мешают — гроба, гроба…

Какое здесь возрожденье?
Рождаемость на нуле!
Церковь и школу строят
Насмешкою на селе.

БАКСОГОНЩИК

— Старушку с внуком подвези,
Подбрось фронтовика!
Ты сам недавно рос в грязи,
Аль память коротка?

Машину гонит «Шевроле» —
На трассе — земляки.
Танцуют черти в зеркале,
Смотрясь в его очки.

Летит асфальтовый пижон,
Лицо — круглей руля.
За этот ветреный прогон
Клянёт его земля.

* * *

Инвестиции прут полным ходом,
Странам мира — дорогу дадим!
Тяжело верховодить народом —
Тяжелей отчитаться пред ним.

СОЛНЕЧНЫЙ РАБ

Нос обгорел, облезла кожа.
— Пусть знают все, что я — вельможа!

ВЕЯНЬЕ ВРЕМЕНИ

Люди собраны в регионы!
Это новый эксперимент?
Что там в колбе какой-то клоны —
Есть товарищ АПЛОДИСМЕНТ.

Его вырастили без колбы,
Его выжал державный страх.
До костей стёрли руки толпы
В учрежденьях и в лагерях.

Ничего, что горят ладони,
На работе горят не так.
Люди в долларовой погоне
Избегают прямых атак.

Не хотят разрушать Бастилии,
Верят в слово обманных уст.
При Бастилиях — люди жили,
Правда, в спинах был жёсткий хруст.

Можно ль жить без АПЛОДИСМЕНТА?
Он настолько вошёл в сердца —
От лакея до президента,
От артиста до подлеца.

ИСКРЫ ПОВСЕДНЕВЬЯ

Толкаются по жизни бестолково
Сограждане в мобильной суете.
Наследники бесправья и престола,
Нью-рашен на сегодняшней черте.

И норность стала фактором закона,
И спешка в алкоголе — благодать.
Вся нечисть устремилась под знамёна,
Чтобы Коран и Библию топтать.

Мне жаль, что, став бомжами в буйстве пьянки,
Мужчины пропадают при уме.
Мне больно видеть шлюшек вдоль Лубянки,
Милицию, крадущую, в тюрьме.

Мыслителей, глухих к чужому стону,
Художников, чья кисть при овощах,
И Родину, похожую на зону,
С предательством, воскресшим на мощах!

ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Пятиметровые портреты,
Километровые реча —
Все попадают в бездну Леты,
Как еретик под сталь меча.

ЭКСПЛУАТАТОРЫ ПОНЯТИЙ

Нигде в миру такого нету,
Чтоб словесами и… во гроб.
Через экраны и газеты
Не чтится ныне хлебороб.

Стратеги горы обещают,
На деле — «божия» роса…
Вглядитесь зорче, россияне:
«Кому отдали голоса???»

УЩЕРБНЫЙ ДРУГ

Дурака везли в подводе,
Косоротен и горбат
Был наследник Ипполитов,
Временами — умноват.

Дед, отец — давно в могиле,
Мать залилась по весне…
Но Андрюхе дали силы —
Бить челом родной земле.

Дурачка трясли в больницу,
Дядьке горб чужой — не свой.
Позабыли, кто от немцев
Спас коров в глуши лесной.

Он отмучился недавно —
Дорогой, ущербный друг.
Косоротился горбатый
«ДЕЛО» помня, как свой луг…

ПЛАСТИЛИНОВЫЕ ГРАЖДАНЕ

Искусствоведов стало многовато,
Академизм плывёт в пыли веков.
И поэтессы, выпив под сонеты,
Расчёсывают бороды писцов.

Не тех песцов, что мехом знамениты,
А тех «певцов»,что блудят во стихах.
Сдаётся мне, уж очень нагловато
Жирует бездарь в сленговых пирах.

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЛП

Дайте старикам дожить спокойно,
Возвратите льготы беднякам!
Им не надо новых революций,
Лишь бы не тащили в храмы — срам.

Видно, уж совсем офонарели
Грифы и стервятники верхов,
Если мам и пап, что поседели,
Низвели до уровня рабов…

8 МАРТА

Тюльпанно-розовое зарево.
Базар шумит, базар рычит.
Здесь разучились разговаривать,
Тут на три буквы — алфавит.

Тупой восторг и умиление,
Мимозный запах дарит юг.
Мужское потовыделение
Во имя ЗАГСовых подруг.

НА СВЯТОЙ

— Что ты, дед, такой суровый?
Пасха... Близких помянул...
— На вопросы ты бедовый.
Но в тридцатых... был разгул.

Низко кланяюсь Иванам —
До сих пор стоят в глазах,
Что лежат по магаданам,
В воркутах и соловках...

Помнят их родные дали —
Каждый бился за надел.
Жеребцов таких держали —
Сам бы вождь не усидел!

Всех поставили на мушку...
Помню, сграбали Павла.

А имел он — крупорушку,
Чтобы каша — всем была.

А когда церквёнку рвали,
Был такой в округе вой,
Что чекисты спасовали
Взять священника с собой.

Апосля, когда собаки
Уморились лаять в ночь,
Из родимых хат в бараки —
Работяг забрала сволчь.

Нынче вроде не опасно,
Но история гнетёт.
Пасха — здесь, по миру — Пасха,
Кто-то плачет, кто поёт.

БЕССОННИЦА

Злобной вьюгой во сне
Вижу зеркало плуга,
Вижу старый родной дизелёк.
Я с натопленной печки
Сниму полушубок
И пойду покурю
На подлунный лужок.

По сугробам пройдусь,
Испугав русака,
Губернаторам нас не понять!

Встану раньше рассвета
И снова пойду
Верой в колос
Мотор исцелять.

ТЕНЕВОЙ КРЕМЛЬ

Когда-нибудь придёт сюда луч света?
А то всё время сумерки и мрак.
Я б пел о нём всем существом поэта,
Но он стоит в разрез людских атак.

Я знаю, что для многих символ дорог,
И люд там профильтрованный, не сброд…
Но почему в высоких коридорах
Не понимают солнечный народ?

ВОДИТЕЛЯМ

Родные мои! Вам подвластна дорога,
Пусть мчатся «газели», пусть мчатся «такси».
Урежьте работу служителям морга
Все грузо-моторные силы Руси.

ВЫСОТА БЕЗДАРНОСТИ

Он не любил Малевича «Квадрат»,
Под лесть богемы родилась идея:
В кругу большом изобразил… томат,
За холст «Томат» нисколько не краснея.

РЕАЛЬНАЯ ФАНТАСТИКА

Асфальтовым сынкам какое дело
До глубины грунтовок деревень?
А мясо с рыбой кушают умело
Не по престольным дням, а каждый день!

И женское начало на абортах
Всё ищет побогаче мужиков.
Эстрада в телерадио аккордах
Сегодня наплодила крикунов.

Появятся ребята-нуворишки,
Взращённые прыжками цен в году.
Мир вместо дел творит свои «делишки»,
Толчётся, словно осы на меду.

Я не лишён в сей жизни оптимизма
Пирующих не хочется пугать.
И вижу катаклизм капитализма,
Что может всю Планету подорвать.

ВЕЛИКАЯ СВЯЗЬ

За сотовый — спасибо!
Крепче нервы.
В невероятном
вихре перемен.
Но знайте, люди,
есть ещё сто первый,
Что смотрит в душу
глубже чем рентген.

ПЕВЦУ

«Хожу по Абрикосовой...»
— Зайди-ка на Аграрную,
Но жаль в стране крестьянской
Нет улицы такой.
А ты, хоть раз выхаживал
Дорогой сельской тряскою?
Нельзя же, милый баловень,
Всю жизнь бродить Москвой.

Сойди в глубинку Родины,
От родника до фермочки.
Ну почему ты, умница,
Не станешь в полный рост?
Смотри, кем стали матери,
Как постарели девочки,
И как на рощу белую
Расширился погост.

Ходи — стезёй банановой,
Промчись — дорогой злачною,
Ходи — по Бриллиантовой,
По Долларовой тож,
Но только из крестьянина
Деньгу не выколачивай,
Брось жить аплодисментами
От высохших ладош!

В ОДНОЙ СТРАНЕ

— Виват! Столкнули президента!
Кричал задавленный народ.
Но в тяжкий миг сего момента
Власть захватил другой урод.

Хотя все СМИ взахлёб гласили:
— Он — совесть, истина и честь!
Ну а народ, что власть дал силе,
Он просто хочет пить и есть.

ПРИЗНАЛСЯ…

Не подумай, что я — апостол,
На стакан смотрю свысока.
Это нынче беру я по сто,
Сквозь желудок — прошла река.

БЕЗ ХОЗЯИНА

По сугробам весть пришла на хутор:
Приболел Михалыч и ушёл…
Долго молча деда провожали –
Мёрзлая земля. Мороз. Тяжёл…

А весной исчезли поросята,
Блеющий овчарник онемел.
Жеребца продали водовозам,
И корову сдали на супы.

Утки съелись за зиму с гусями,
Свиньи — разошлись на холодец.
Лишь собакам было не до лая:
Косточек досталось им на век…

СВОИ — ЧУЖИЕ

Нос редко высунешь на рынок –
Живёт семейство без рубля.
И лишь скотина, да суглинок
Даруют харч день ото дня.

Виновных нет, и скажем кратко,
Власть на экране лишь ясна.
Но город, вскормленный достатком,
Пирует чашами без дна.

Кутите, пейте, развлекайтесь,
Но жизнь не превращая в дым,
Про мам и пап не забывайте —
Живых… И под крестом сырым…

ХРИЗАНТЕМЫ

Людей хотел порадовать хозяин
Цветами белоснежной красоты.
Его соседи — с чувством дикой стаи
В доносах мерзких ставили персты.

Глава района — некий микросталин,
Похлопал цветовода по плечу:
— Сажай картошку! Не было печали!
Могу ведь раскулачить… Не шучу.

* * *

Жил в деревне босяк
И ругал его всяк.
Но однажды
Он вымолвил кратко:

— У крестьянства страны –
Хрящеватый костяк,
А у власти –
Сталистая хватка.

ОТВЕРНУЛИСЬ ОТ ЖИЗНИ

О, всероссийская эстрада –
Все — от певицы до певца!
Красивы с переда и зада –
Но...НЕТ ГРАЖДАНСКОГО ЛИЦА!

ГЛОБАЛИСТЫ ЭКОНОМИКИ

От Маркса к баксам мы идём,
Отказывая в малом.
Им легче жить, они вдвоём —
С весомым «Капиталом».

У них есть к Энгельсу стезя
И замковые «сижи»...
Бескапитальные друзья –
Нам почему-то ближе.

ВЗГЛЯД

Я не был давно в столице,
Повсюду — моторная прыть.
Египетской колеснице
По центру не проскочить.

Куда ж это всё спеши́тся?
Какой Самотлор сгорел?
Тучнеет в огнях столица,
Не веря, что есть предел.

СТАРЫЙ МЕТОД

Пока что я живу в бестемье,
Но тема есть и теме быть:
Хочу за думское безделье
Крапивой думцев проучить.

Пусть от битья устанут руки,
Но, до парламентских дверей,
Они от дедовской науки
За ум взялись бы поскорей.

БУХГАЛТЕРА

— О нас не пишут. Давят нас интриги.
— Отчёты часто мы берём в дома…
— О вас напишут следственные книги,
Кому — с брошюру, а кому — с тома.

НА ТОМ СТОИМ...

Мы за людей — теряли годы,
Не растеряв себя в годах.
И все издержки непогоды
В статьях остались и стихах.

Для нас всегда он самый главный —
Кручёный жизнью человек:
Трудяга, нищий и державный,
Какой он есть из века в век.

Он так верхами озаконен,
Весомой кодексностью книг,
Что маг-юрист — великий Кони —
Не сможет снять с него вериг.

СИЛА СТРАСТИ

Медведь на пасеку явился.
Давненько, видно, не сластился.
И с нескрываемой любовью
Пил мёд, расплачиваясь кровью.

ПРИМОРСКАЯ ОТКРОВЕННОСТЬ

Нынче горничная именинница,
Афоризмом сразила нас:
— Лучше в рай попасть,
чем в гостиницу,
Выйти в космос,
слетать на Марс!

НЕДАЛЕКО ОТ ЧЕВЕНГУРА

Форсируя этапы перестроек,
Гуртуя молодость свою,
Крестьянин кормит Мать-Россию,
А сам — унижен на корню.

Ему природа, как награда,
Щедра плодами не всегда.
А тут ещё — хомут налогов,
Хомут московский хоть куда.

И на планёрках нет улыбок,
Да перебранки без конца:
Кому — навоз, кому — доильня,
Тому — комбайн, а тем — мясца…

С приезжих спрос всегда короткий:
— Работай, друг, за харч и кров.
А местным укорот таковский:
— Водярой не позорь отцов!

ПРАВ КЛАССИК

Я не верил, что Русь — дурдом,
Что ошибся Чехов в палате.
Оказалось, что мы живём
В окаянном каком-то штате.

ПО-СОСЕДСКИ

— Слушай, Женя, ты что ж уехал,
С кораблей до пчёл снизошёл?
— Знаешь, братец, мечтал я долго –
Дом отстроить, не жить внаём.

— Ну а ежели трутней кладку
Воспитаешь взамест пчелы?
— Что поделаешь, мёд не сладкий,
Коли ты болтун без сохи!

…Утром «Нива» прижалась к грунту,
Офицер ВМФ в пути.
За укусы — простят селяне
Работягу в сотах зари.

НА КРЮЧКЕ ОБМАНА

Всю жизнь, бедняга жил без денег,
Хотя пахал заря в зарю,
И слово мерзкое «мошенник»
Совсем не знал по словарю.

Он лишь тогда познал основы,
Когда заезжий прохиндей
Его оставил без коровы,
Без тёлки, уток и гусей.

ЭФИРНЫЕ ЦЕЛИТЕЛИ

Радио — оно не только благо,
Радио — вредитель иногда.
Нагло оккупировав бумагу,
За эфир вцепились господа.

Сразу прекратим все кривотолки,
Люди напрямую говорят:
— Лечат нас латынью балаболки,
А пахать и сеять не хотят?

Что ж, за консультации «спасибо»,
Сутками они торчат, как кость.
Мы давно больны от перегибов,
Это «благо» — вызывает злость.

Бросьте и займитесь, чем полезней.
Знаем мы, что язва и гастрит.
У России — кроме всех болезней,
Выключен на правду аппетит.

Нам глотать пилюли не впервые,
Верим, что поднимется страна.
Ей такая кремлетерапия
Противопоказана — вредна.

В ПУТИ

Поспешный выбор президента
Иль выбор нового вождя
Напомнил мне авто без тента,
Где нет спасенья от дождя.

ОСОБНЯКИ

— Кому же вы настроили их, братцы?!
— Похоже, что растёт четвёртый Рим!
— По-моему, заселят их китайцы.
— Нет, лучше энлэошникам сдадим.

БЕЗ ИМЕНИ

Никогда, ни в какие годы
Не работал Авдотьин сын.
И с руками было нормально,
С головою и остальным.

Он и ел как-то не в убыток,
Больше — пил, днём и ночью пил.
Не служивший большой ребёнок,
Лодырь редкий, но не дебил.

Много слёз пролила Авдотья,
По сезонам и между них…
Тут и Шолохов спотыкнулся б,
Сквозь перо изучив язык.

Так и сгинул сынок за кражи
Где-то в диких местах тайги.
То ли Бог забрал за удары,
То ли Чёрт оплатил долги…

ПРИ ХОЗЯИНЕ

Михалыч в прошлом языке был что ни есть «кулак».
Держал свиней и лошадей, и уток, и собак.
За всем старался поспевать при маленькой семье,
Он даже кроликов развёл на зависть голытьбе.

Его бурёнка, как и мать, поила молоком,
Ягнята крепли на лугах, бычка — сдавал в колхоз.
А огород-то? ОГО-РОД! Не сыщешь на верстах…
Картошка — есть, капуста — есть, и сено — во стогах!

Взрастил сынов и дочерей,
Всё лучшее — отдал.
И завещал им труд любить —
Бесценный капитал…

ШУМНОЕ СОБРАНИЕ

— Как сократить в России болтунов?
Заспорил дед Мирон с главой района.
Глава затих, мгновенно стал суров,
И гневно покосился на Мирона.

— Дурной вопрос ты гостю задаёшь!
Поправил деда краснобай из клана.
А дед в ответ: — Куда пропала рожь?
При жизни царской не было бурьяна!

БЕГ НА МЕСТЕ

Спотыкаясь в указах днями,
И ночами пугаясь вех,
Замордованный ноль — годами,
Задыхается Человек.

Удавляется изобильем,
Существует на пол-рубля,
Там, где мёртвых свои предали —
Казино, Интернет, шантрапа…

Он не сменит рули местами,
Не создаст для себя закон,
Ибо деточки поумчали,
Чтоб плодить однополый клон.

Век молчанья, тщету прозренья,
Глухоту к себе самому…
В изощрённейшем повседневье
Ум не служит уже Уму!

Измочаленный ноль — летами,
Чертыхая владык эпох,
Спотыкаясь ночами-днями,
Зарождается Существо…

«АРХИТЕКТОР»

Везде настроил дач,
Живёт, как гусь-гуменник.
Вчера он был палач,
А нынче — проповедник.

ЯЩЕРИЗМ

Босс дорастал уже до звёзд,
Но Главный босс нажал на хвост.
Пока на новый пост бежал,
Хвост потихоньку отрастал.
Но чья-то твёрдая нога
К его хвосту была строга.
Как ни юлил матёрый босс,
Хвост третий заново отрос.
Чиновник превратился в лесть,
Чтоб в щель пролезть и вкусно есть.
Живуч прохвостный организм,
Когда в системе «Ящеризм».

ГОРОДСКИЕ АПТЕКИ

Они повсюду — через дом,
В них символ есть, что жизнь жестока.
Мы так лекарственно живём,
Что поневоле вспомнишь Блока.

ПАРАДОКС ОТКРЫТИЙ

Пусть кто-то в Европу открыл окно,
Открыл кто-то в Азию двери.
А третьему было судьбою дано —
Открытие пары Америк.

Но вот в чём печаль достижений таких,
Скажу без боязни и чванства:
— Сужается цель интересов людских
При шири любого пространства.

РЕПРОДУКТОР ЗЛА

Радио поганей стало фрица,
Разложив по ценникам аптек
Жизнь людскую (надо ж опуститься!),
Труд отцов и дедов, и калек.

С солнцем крик картавых оглушает,
Тембр не затихает по ночам.
Радио — «бальзам» не принимает,
Но на раны нагло льёт «бальзам»

Впрочем, принимает — баксы, евро,
Ренту, жизнь и смерть моей страны.
Вновь наутро ложью самой первой,
Мы услышим голос Сатаны.

Не один тебя я проклинаю,
Но запомни, «Радио чертей»:
— Будет время, сильно захвораешь,
Дозу поглощая без рублей!

К ВОПРОСУ О ТЕЛЕОККУПАЦИИ

Кто идеолог быт-рекламы?
Хотел бы видеть наглеца.
Или отрёкся он от мамы,
Иль отказался от отца.

Он наплевал на мненья думцев,
И президент — не власть ему.
Как терпит наш народ безумцев?
Ей-богу, просто-не пойму!

* * *

Космические экипажи
Стартуют со всех сторон,
А лошадь треножится так же,
Как в годы далёких времён.

Лопата осталась лопатой,
Хотя всюду супер-ковши.
Но жизнь на Планете богатой
Людьми оценилась в гроши.

Мощней не найдёшь парадокса,
Я всё же скажу, не грубя:
— Нельзя человечеству косо,
Цинично смотреть на себя.

ВЕРБЛЮД В ПОЛЕСЬЕ

Туристы сделали привал,
Переглянувшись меж собою.
Двугорбый медленно жевал
Свежайший мох, листву и хвою.

Он так был в мире одинок,
Смотря на зрительские роли,
Что за плевком летел плевок
В тех, кто лишил пустынной воли.

СЛАВЯНСКИЕ КОРНИ

Они настолько глубоки,
Что, может быть, и взгляд некстати.
Стоят рядком особняки —
Домяги фермеровской знати.

Детей, хозяюшка, рожай.
Довольно в хижинах ютиться.
Укрепим род и урожай,
Кредитом выручит столица.

Мысль тонко в дело провели,
Не в двух веках, а в новом веке,
Чтоб не рождался в человеке
Побег с земли и от земли.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ЛИЦЕМЕРЫ

Они клянут начальников в пух-прах
Словами, что у Даля не заметишь.
В их день рожденья едут при цветах,
Таких цветах, что в области не встретишь.

Всё хорошо, цветы дарить не грех,
Но даже шеф, скостив им час работы,
При всём лакействе ненавидит тех,
Кто украшает розами капоты.

В БЕСТРЕЗВОСТИ ВЕКОВ

Найдите истину вина
В виновности вина.
В бокалах тех — вина убийц
За войны без ума.

И в тостах — эр не лицезреть
Преступности утех.
В пороках лет — беспечность тех,
Кто чокался «за всех?»

Омар Хайям велик умом,
Любовь и хмель ценя,
Сказал: «Живите естеством,
Шайтана в ад гоня…

ШУСТРЕЦЫ СТРОК

Читая их, увидишь слог
Ладушных простаков,
Что пишут всуе «С нами Бог…»,
Не зная мысль богов.

Спешат наёмники верхов
Протрубадурить стих,
Где слог подмёточных стихов
Готов за гимн сойти.

И на подсчёте голосов
За «бакс» пиар пройдёт.
Страшитесь «ястребов» и «сов»,
Кто на деньгу клюёт!

ПРИЦЕЛЬНОЕ ОКРУЖЕНИЕ

Властитель был высокого масштаба,
Знал суть земли и обожал столы…
Охранники его крутого штаба
Имели кроме глаз — ГЛАЗА-СТВОЛЫ.

В ЭННОМ РЕГИОНЕ

Расцветёт ли здесь культура?
Что ни дом — кафе-кабак,
Если шеф культуры — дура
И над ней стоит — дурак.

МЕЖА

Аршинным шагом, как ходульным,
Обходит циркулем поля
Бригада пришлых землемеров –
Размежеватели труда.

Года сминают восприятье
Многоцветенья душных трав.
Стеной людских противоречий
На межах властвует бурьян…

Герой мой едет стороною
От реформаторства владык.
Он помнит труженика-деда,
Его заветы — как родник!

Тому, кто будет здесь глумиться
Над вечной святостью полей,
Народ напомнит о кровице –
Меже кипения страстей…

ПОСЛЕ ПРОСМОТРА «ВЕЛИКОГО ДИКТАТОРА»

Горит планета. Людям не до смеха.
Но Чарли не смеётся, он кричит:
— Земляне! Не добьётесь вы успеха,
Коль власть возьмёт — очередной бандит!

ПРО СЕБЯ

Чернозём полюбил гербициды,
Как карпёнок — навозных червей.
Авиацию шлют из района
«Удобрители» злачных корней.

Потравили проклятою химией
Перепёлку да голавля.
Не летит с привычною силою
Выручательница-пчела.

Говорили им: — Не спешите вы,
Лишний вес не возьмёт земля.
Совесть с правдою мало мучили
И Лысенко, и люд Кремля...»

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Бумагу сделали китайцы.
Не для кого-то, для себя,
Чтоб кисть держать надёжней в пальцах,
0тчизну милую любя.

Но белый мир в своём угаре
Новинку — вывез побыстрей.
Все аферисты полушарий
«Учили» грамоте людей.

— Читайте! Сколько править шпаге?
Она стальная — дорога.
Мы вас поймаем на бумаге –
И разом — друга и врага.

Того и этого — на книге,
Тому и этому — дензнак.
Весь мир замесим на интриге,
На ужасе крутых атак.

…Бумага, честная бумага,
Родив «апостолов» и бонз,
Белей повсюду белым стягом,
Круши гранит и зелень бронз!

МЫСЛЬ ИЗБИРАТЕЛЯ

«Изощренье в ранге произвола
Видится в топтании людском.
Беззаконье — возлюбила подлость,
Ложь — не ограничилась рублём.

Но, позвольте, где тут благородство?!
Где святое слово божьих слуг,
Если не карается уродство
Авантюрно-мыслящих хапуг?»

ДОСУЖИМ

Я не люблю, когда стихи калечат,
На ямбы разбивают, на хорей.
Стихи ведь, как волненье перед речью,
Чем речь весомей — тем оно сильней.

ВИЗИТЁР

Еврей-редактор принят был в Союзе
Избыточным армянским коньяком.
Но речь не шла о венценосной Музе,
Хоть гость считался редким знатоком.

Он кладезь был тончайших анекдотов,
И нацию свою он не щадил:
Бил музыкантов, гробил стихоплётов,
И медиков в коррупции винил.

Что ни картина — бурный всплеск оваций!
Славяне надрывали животы.
И мэтр литературных консультаций
Смеялся с ними сам до хрипоты.

Поэты, эссеисты, драматурги,
Прозаик, что принёс на суд роман,
Остались после хохм его не в духе:
Сошлись по делу, вышел — балаган.

А гость катал по городам и весям,
Как Хлестаков и Бендер — всюду врал.
Нос в табаке, всегда предельно весел,
Но не пускал провинцию в журнал.

РАЗДУМЬЕ

Тот — исповедует ислам,
Тот — чтит Христа, тот — верит в Будду.
Но почему в миру — БЕДЛАМ,
Хотя льют чай в одну посуду?!

В стакан ли, в чашку, в пиалу
С утра ли, днём или под вечер.
Возвысим Господу хвалу,
Хотя самим — хвалиться нечем.

ЛИТАВАНТЮРИСТ

Зачем стремиться на Майями,
Иль ехать в Арктику и глушь?
Писатель кормится судами,
Снимая куш с крутых чинуш.

Всё это в наши дни возможно.
И, как там с Музой не дружись,
Его настолько проза ложна,
Что буквы все передрались.

НАД ВЛАСТЬЮ

Простые люди — выше власти.
И самый высший — их закон.
И, словно за зарницей счастья,
Иду к ним снова на поклон.

А власть — коварная зараза,
Она ущербна испокон.
У ней всегда — дитя без глаза,
А старец — выжат, как лимон.

Хотя и ей бывает тяжко
От революций и утрат.
Но через кровь ползёт, бедняжка,
Из аппарата — в аппарат.

НЕ ТОТ ИЗБРАННИК

Собрались вдруг несушки-куры
У зерноточного лотка.
И после краткой процедуры
Главшефом выбрали хорька.

Вспорхнув под вечер до насеста,
Кудахча сыто, что правы,
Они к утру лишились места,
Да что там места — головы.

А хорь пришёл к другим хохлаткам,
И был красивей петуха,
Но отличался по повадкам,
Особо ночь когда тиха.

* * *

У России две беды — дураки и дороги.
Н.В. Гоголь

Крылатость названной строки —
Великолепная удача.
Умны в России дураки —
Из века в век народ дурачат.

То по кюветам поведут,
То по дорогам эшелонным,
То магистралью захлестнут,
То в путь к планетам отдалённым.

Какая грусть и что тоска?!
Где мысль столичного пророка,
Чтоб к жизни вызвать мужика,
Чтоб не сгорбатился до срока?

Крестьянин — пахарь и солдат,
Рабочий — жертва произвола.
Не от того ль прижился мат,
Когда свои — страшней монгола?!

ОТВЕТ

— Ты прав: руководители — не боги,
Но прав у них побольше всяких прав.
Один всю жизнь к сердцам мостит дороги,
Другой их разрушает, не создав.

ДУМСКИЙ РЕФОРМАТОР

Он перешёл к прямому наглежу
И говорил без ярких предысторий:
— Я кладбища налогом обложу
И «евро» буду брать за крематорий.

Мудрёный зал почтительно затих.
И возразить никто не ополчился,
Как мракобес, полуубив живых,
Над павшими и мёртвыми глумился.

КАК КУПИТЬ?

Спасибо, Церковь, за издания!
Работа с книгой нелегка.
На фоне общего страдания —
Цена Заветов велика.

Уж, если мыслить по-иному,
Примите исповедь души:
— Народу русскому, родному —
Продайте книги за гроши.

ДЬЯВОЛЬЩИНА

Ну, что, сограждане, дожились?
Хребет у вас — морской канат.
Крестились, в партии сходились,
И друг на друга — компромат.

О, как цветна полиграфия!
В обёртке — тот же леденец,
Что не доели вы, босые,
Ни ваша мать, ни ваш отец.

И ум ваш ясный и природный,
И ваши светлые глаза
Экран сжирает чужеродный
И вся рекламная буза.

Спросили бы у Льва Толстого,
Пусть он отстал от жирных харь.
Цивилизованное слово
Порою выше, чем алтарь.

Но где найти его сегодня?
В глаголящих — сидит злодей,
Живущий сыто в преисподней
И на мощах живых людей.

ДОРОГА К РЫНКУ

Зачем увозят вас, телята,
На голубых грузовиках?
Ведь нету в прошлое возврата —
Осталась резвость на лугах.

Вослед луга кричат: — Вернитесь!
Вернитесь в солнечную быль!
Машины в гору прут, набычась,
Лишь рёв доносится сквозь пыль…

На бойне кто-то в рукавицах
По распорядку включит ток.
И он, как молния, промчится
От молодых рогов до ног.

Недолго сердце будет биться,
Выталкивая на пол кровь…
А ваши ямки от копытец
Затопчет выросшая новь.

ПРИСНИЛОСЬ…

Отбалаганила столица,
Мэр вместе с кепкой улетел.
Иной режим, иные лица,
И за коррупцию — расстрел.

Снесён могильник мавзолейный.
Прах-мощи вынесли из ниш.
И нет милиции линейной
С хвоста Москвы до самых крыш.

От Пушкина — ушли ублюдки,
Не спас антихристов кумач.
Сопят валюто-проститутки
Теперь в постелях ближних дач.

От потеплений и морозов,
В среде правительства и фирм,
Не мчат за все грехи в Берёзов,
Им «Боинг» дай — в Ерусалим.

В кругах кремлёвских нету кланов,
Россию взял под свой покров
Иван Иванович Иванов,
В простонародье — Иванов.

О, как иуды надоели,
Предав Христа, распнут и мать…
Посмотрим русского на деле,
Не дай Бог — ГРОЗНОГО опять!

ГУРЗУФ

Аю-Даг уткнулся в синь волны:
Стыдится оголённости страны.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

У толпы — всемирный аппетит,
Не жуя, заглатывая яства,
Получила язву и гастрит,
А болезнь — не лечит государство.

ВЗГЛЯД РЫБАКА

Власть для народа так отточена,
Что, в червоточине живя,
В народе — видя червоточину,
Клюёт, как рыба на червя.

ТРОЙНОЙ ПАТРУЛЬ

Привыкли — «тройка», «трибунал»,
Уже в опричниках столица.
Видавший виды идеал,
Вновь и троится, и роится.

Чего боитесь вы в Кремле?
Там вечно и тепло, и чисто.
Вы даже каплю на стекле
Пристрелите, как террориста.

Чего боитесь вы в Кремле?
Боязнь крепчает год от года.
Свободной мысли на челе
Полуказнённого народа?!

ОСЛЕПЛЁННЫЕ ВЛАСТЬЮ

Кайтесь, «известинцы», кайтесь, «правдисты».
Как же вы на́ слово не были чисты.
Вы в обстановке кровавой пучины
Словом точили нож гильотины…
Били вы Зощенко и Пастернака
На Солженицына длилась атака…
Ну а потом распинались учтиво
От негатива до позитива.
Жалко одно, что великий народ
Ваши изданья сквозь слёзы берёт.

МЕЧТЫ И ЯВЬ

Ещё не пели петухи,
Не шёл туман с долин.
Как хорошо писать стихи,
Когда цветёт жасмин.

Кому-то грезится Ассоль,
Кому-то мир — игла.
И человеческая боль –
Всю лирику сожгла.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ЧАЙКИ

Их тянет больше к берегу, чем к небу,
Они ленятся на воду присесть.
Мы так их приучили к булкам… хлебу,
Что птицы разучились рыбу есть.

МОНОЛОГ ЧИТАТЕЛЯ

— Устал читать журнальную полову,
Зерна не видят, что ль, редактора.
Поэзию, как дойную корову,
Хотят доить иные мастера.

Как будто жизнь слепа и безголоса,
И правда не имеет на контраст.
Поэзия, она ведь тугососа,
И молоко не каждому отдаст.

ПОЙМИТЕ ВЕРНО…

Пока затишье перед бурей:
Шашлык на дачах, пир горой.
Но тот, кто рыскал в волчьей шкуре,
Заблеет вспугнутой овцой.

Она придёт, святая кара,
К тому, кто праведность забыл.
И отвернуться от удара
Ни у кого не хватит сил.

В каких гробах погост вас примет
Из золота иль из стекла,
Вы предали отцово имя
И мать, что билась против зла.

И страшно мне в краю обжитом,
В красе лесов и родников,
Когда кладбищенские плиты
Душевней многих земляков.

СЕЛЬЧАНАМ

Ругать вождей, конечно, надо.
Тоска по близким велика.
Но, как вы допустили стадо
Копытить струи родника?

ПО ДОРОГЕ

Шёл с молодёжью дед из бани,
Искрился смех в его глазах:
— Что ж вы завшивелись, граждане,
При заграничных-то мылах?

БОЛЬШАЯ ПРОСЬБА

От кого седеют люди? От людей.
Кто не верит — убеждается с годами.
Если бьют — хотят ударить побольней,
Режут — финкой и кавказскими клинками.

Несть числа оруженосной саранчи.
У ракеты и у бомбы — есть глашатай.
Сын Господень! Всех заблудших научи
Поактивнее орудовать лопатой.

Пусть подружатся с пилою и ковшом,
Точат косы и стога берут на вилы.
Почему стал человек своим умом
Ниже разума собаки и гориллы?!

Сразу б сблизились саванна и тайга.
И была б святой любовь, а — не любови.
Но треножит мир — мощнейшая деньга,
Разноцветная, но красная по крови.

Не пора ли сократить её станки?
Гиппократу — изменили эскулапы…
Неужели за пожатием руки
Мы увидим вскоре дьявольские лапы?

НА ПИСАТЕЛЬСКОМ СЪЕЗДЕ

Каплану Кесебежеву
(Адыгея)

Попав в зрачки насторожённых глаз,
Не пользуясь услугой микрофона,
Ты всей душой приблизил к нам Кавказ,
И в честной речи — не было шаблона.

Пускай уносит каждого Пегас,
Ему на небе не нужна подкова,
Чтоб СЛОВО согревало в жизни нас,
А не льстецы, что правят тенью слова.

Смоленск, 19 мая 2004 г.

ПОЛИТИКИ

Есть в спорах истина. Она
Видна не только в «речи».
Заречье — дивная страна:
Есть свой Хрущёв и Черчилль.

Глядишь, то Маркса постригут,
То Сталина ославят,
То засупонят так хомут
Тому, кто плохо правит.

О, если б знали наверху —
В столице миллионной,
Как разбивают власть в труху
В горячке самогонной.

— Спасибо, Дуня, за первач!
И скажет местный гений:
— Пропал палач, исчез стукач,
Хотя живы их тени.

Прошу простить, что захмелел,
Но знайте, заправилы:
Очистить зёрна от плевел
Пока у нас нет силы.

А, если станем за рулём,
Крах — лживейшему следу.
Мы землю к людям повернём,
Почти по Архимеду!

МАРУСИН ЗЯТЬ

Чем-то он похож на Швейка,
Крупноватый толстячок.
В левой — гусь, в другой — индейка,
В рюкзаке — окорочок.

— Харч-паёк не режет плечи,
Буду к празднику коптить!
Ну, скажи мне, как Заречье
Вместе с тёщей не любить?!

Здесь в ходу коса и тяпка,
Я для тяпки не гожусь.
От неё бывает зябко,
Как чёрт ладана боюсь.

Колорадский — мне противен,
Мутит красный вид ботвы.
Препарат везу из Ливен,
Из Рязани и Москвы.

Прихватить хотел по тыкве,
Но потом приволоку.
Что сказать? Они п р и в ы к л и
К острой тяпке и к жуку.

Знаю, предки не стальные,
Но не гневны на зятька.
У меня вот …а л л е р г и я ,
Хоть могу скрутить быка.

ИЗ АРХИВА

Мне под руку как-то попалась тетрадка,
Что в юности вёл… и вопрос здесь не прост:
Исчезнет в народе «блюститель порядка»,
А каждый по совести станет на пост.

Ребристые звёздочки, жёлтые лычки,
Ничуть не унизят заслуги страны.
Но фабрики наши изменят привычке
И утром, и ночью строчить галуны.

И все эти милые «знаки отличий»
Пополнят музеи больших городов,
Ведь вымерло слово у нас «городничий»,
Как с ним не одна ещё дюжина слов.

В НОВОЙ ШКОЛЕ

Волшебный мир ученика!
Меня, седого, к знаньям тянет…
Будь проклят тот во все века,
Кто детство с юностью обманет!

СТРАННАЯ ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Спросите вы у пацана:
— Чем знаменита борона,
Девчушку с лохмами густыми,
— Что им даёт коровье вымя??

Глаза у них — под потолок.
И все — привыкшие к обману,
Не вспомнят плуг и колосок,
Но дай им сливки и сметану.

НА ВЗМОРЬЕ

Стеклянные кафе закрыты до сезона,
В стеклянных корпусах застыла тишина,
Пока людской поток не заспешит с перрона,
Пока людской поток не отпугнёт волна.

Стеклянные кафе — любому хватит места,
Немое мне они напомнили кино.
Прозрачные кафе — экран души и жеста,
Но слово сквозь стекло услышать не дано.

СТРАНА ЗОЛОТОЙ КОРОВЫ
(Отрывок из «Сказки об Иване Свидетеле»)

Луг в росе. Трава по пояс.
Рядом — зеркало реки.
Вышли к нашему герою
Мужики не мужики.

Трое — в шляпах и в костюмах,
Лица постные угрюмы.
А в руках по два ведра –
По доенью мастера.

За берёзками малыми
Зорька — мордой в мураве.
А уж вымя, а уж вымя,
Как Царь-Колокол в Москве.

Ваня им вопросик с хода,
Не успев руки подать:
— Что же вашего народа
В государстве не видать?

Ай, окончена работа?
(— Нет, у нас сейчас страда)
Может, здесь не знают пота,
Или пали от труда?

Объясните-ка мне, братцы,
Чем же занята страна?
В выраженьях не стесняться —
Правда голая важна.

Те понятливо кивнули,
Дескать, тёртые умы!
— Про народец помянули?
— Весь народ — так это мы.

— Ну и ну! Народец дельный…
Он смекнул, прижав язык.
— А Заря бывает тельной?
— Ни к чему — в обузу бык.

— Это ж противоприродно!
— Так устроено у нас.
— Льётся золото свободно.
— Лишки держим про запас.

— Значит, речкой льётся?
— Речкой!
Но скотина нам жалка…
Ставим, правда, перед течкой
Перед ней портрет быка.

— Наша Зоренька бессмертна,
Скажем проще, на века…

Как бездонная цистерна
Золотого молока.

— Значит, сами казначеи?
— Казначеи. Пьём, едим.
Зря не трём коровьей шеи,
Ведь на вымени сидим.

— Метод ваш ведётся тонко,
Что там Бендер Давидов…
Ох, как жутко без телёнка
Этой лучшей из коров!

Ну а если, скажем, осень
Иль суровая зима?
Сена, брат, она не просит,
Ест научные корма.

— Ясно. Бедная скотина.
По себе сужу я сам:
Чем полфунта маргарина,
Лучше — сливочного грамм!

— Холим. Лечим. Есть аптека,
Всё с расчётом, по уму.
Учим грамоте полвека:
Знает буквы «М» и «У».

— Что ещё быть может лучше?
Вразумительно мычит.
Есть надежда, что изучит
Наш нелёгкий алфавит.

...А пока идёт доенье,
Всё жадней и жёстче спрос.
Позабыли воскресенье
(Да простит Иисус Христос).

Руки жмёт Иван — и дальше.
Путь тернист, нелёгок труд.
— Эх бы нашей тёте Маше
Этих дояров на суд!

Был тогда бы шум из шума,
Сразу б со смеху сжила
Вечнодойщиков... в костюмах
За бездушные дела.

Чтоб на выстрел, на ракетный
Их двойник не подошёл,
Чтобы мык её приветный
Жёг его за произвол!

БЕЗМЕДАЛЬНЫЙ ИНВАЛИД

— Да, война... Лихое время!
Помню, вызвали с утра:
— Почему ты, вслед за всеми,
Не кричал в строю «Ура!»?

— Заикнулся в оправданье,
Но в ответ услышал: — Брось!
Брось дурачить нам сознанье,
Или в горле стала кость?

— Я стоял пред особистом,
Как струна, носками врозь.
— Ты, случайно, у танкистов
Не работаешь на «ось»?

— Словно молнией хлестнуло,
Резь почуял в животе.
А глаза черны, как дуло
Воронёного «ТТ».

— Трибунал!!! Но помни смладу,
Что чекист я, а не зверь.
— Так мне дал пинком по заду,
Что я лбом таранил дверь!

Брал Берлин. Орал от счастья!
Первой группы инвалид...

Тут вмешалась бабка Настя:
— До сих пор в ночи кричит.

— В жизни казусы бывают,
Ордена обходят грудь.
Или так их… нацепляют,
Что ни охнуть, ни вздохнуть.

МОНОЛОГ ЖЕНЩИНЫ

— Я не рожаю. А зачем?
При незарплате — крохи ем.
А чем кормить младенца-кроху
В мордоворотную эпоху?

Гнать после мальчика в Чечню,
Иль дочь к панели авеню?
Пусть детвора кремлёвских дам
С ивритом примирит ислам.

КЛЮЧНИК

Профессор был, по сути, никакой:
В печати — ни обмолвился строкой.
На лекциях его студенты спали
И за три километра обегали.

Зато властям учёный так был мил,
Поскольку лесть им под ноги стелил.

В фундаменты не клал он кирпичи,
Но, когда «храмы знаний» открывали,
Он над толпою поднимал КЛЮЧИ
Так высоко, что камеры не брали.

ИЗ КОМАНДИРОВКИ

Я поспешал домой из Ливен
В родной и чуждый мне Орёл.
В моих руках — газетный ливень
Всего того, что я прочёл.

Листаю свежие страницы,
Мгновенно оторопь взяла:
То проститутки, то убийцы
Вокруг двуглавого Орла.

И так о них заметки ярки,
На фотоснимках — всякий сброд.
Ни пахаря и ни доярки,
Забыт шофёр и пчеловод.

Ну, где же ты, российский витязь,
Опомнись, силу обрети,
Чтоб эту гнусь из жизни вытрясть
На историческом пути.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НОВИНКИ

Изредка кажут нам мощные танки,
Где-то в учениях на полустанке.
Кажут сверхмощные самолёты —
Их впечатляющие полёты.
Что ж, это надо — конструкторам честь!
Щит укреплён и… «калашников» есть!

СИГНАЛЬНАЯ РАКЕТА

Город спит. Устал от быта.
Уморились СОБР и власть.
Шайка отпрысков обритых
Фейерверком занялась.

На коньячных рожах — радость,
Что ограбили народ.
Евро-долларская жадность
Силу мерзости даёт.

Постреляли, похамили,
И, с мозгами набекрень,
Неорусские забыли,
Что САЛЮТ — не каждый день!

СИГАРЕТНЫЕ ДЕВИЦЫ

В дыму соседи, дымный взгляд,
Дымком окутано сознанье.
Так пароходы не дымят,
Как эти нежные созданья.

«СИЛОВИК»

— Я сегодня в отставке,
На костре — шашлыки.
И скажу вам, для справки,
Поднят был на штыки.

Тряхануть мне архивы
Захотелось сполна…
Значит, я несчастливый,
Сиротлива страна.

Если дяди и тёти,
Что засели в Кремле,
Мне сказали: — Постойте!
РАЗ живём на Земле.

Войны все пережили,
И, Отчизну любя,
Не поймём, как решили
Вы донесть на себя?!

…Шашлыки теперь жарю,
Все «ДЕЛА» под замком…
Фарисеям бы в хари
Запустил шашлыком!

ГИБЛОЕ МЕСТО

Вот и пасть каменоломни,
Экскурсанты на пути.
Вечереет. Тень огромней –
Настрадалась взаперти.

Говорит девчонка ясно,
Что среди громад седых
Били белых, мяли красных,
И зелёных, и чужих.

Что же камень не сорвался,
Не ударил никого.
Может, пули испугался?
Не берёт она его.

Покатился б с тяжкой силой,
Без притензий на обвал,
Хоть глаза запорошил бы
Тем, кто в истину стрелял.

Но молчит каменоломня,
Камень чувствами не взять…
Ей, наверное, удобней
Разговорчивых встречать.

«ТОВАРЫ ПОВСЕДНЕВНОГО СПРОСА»

Остановись, отец и мать,
Закройте кошелёк!
Игрушка учит убивать.
Кем станет ваш сынок?

Ему бы взять велосипед,
Машинку, биллиард.
Есть, наконец, в деревне дед!
Свезите — будет рад

Цыплятам жёлтым во дворе,
Ягнячьей толкотне
И даже маленькой дыре
В нелатаном плетне.

С щенком кудлатым будет спать,
Что трудно разбудить.
И это лучше, чем стрелять.
В «войнушечку» играть.

Пускай залезет он в горох,
Пусть ягодку сорвёт.
Пускай карпуша на кило
Поводит час его.

Берёте всё-таки? Ну что ж!
Красивый автомат…
Что купишь, то приобретёшь –
В народе говорят.

НА ТЕЛЕВИДЕНИИ

В Останкино ловки жонглёры слова,
Трещит экран от толп говорунов.
И разыскали Неохлестакова,
Чтоб веселил нас Неохлестаков.

А если нам сегодня не смеётся,
Не пляшется сегодня — что тогда?
На юге — в активистах ходит солнце,
И север душит вешняя вода.

В Центральной полосе сугробы снега,
Молчит кукушка, ёжатся грачи…
И съели б, может, здесь краюху смеха,
Да все в волненьи — «Будут ли харчи?»

Здоровый смех с экрана не доносят,
И кто б не становился на дыбы,
Душевный смех — он был на сенокосе,
После Победы, в аде целины…

В здоровом смехе — Истина звучала,
Смех бил врага в атаке и тюрьме,
Россия туркам смехом отвечала,
Знал Репин, КАК СМЕШИТЬ на полотне!

Черкасов в «Невском»
И Охлопков в «Грозном»
Не испугались властного ярма:
«Кто выйдет к нам с мечом, тот и погибнет!
Свидетелем — история сама!

Пусть нам кричат: «На смехе обожжёмся!»
Мы смех не ограничиваем днём!
— С м е ё м с я !
Над собою мы смеёмся…
Хохмачество — за смех не признаём!

ПРОЖЕКТЁРЫ

Как цифирью не пыли,
От заводов — ребра стали.
Коль себе не помогли —
Здесь не нужен новый Сталин.

А банан, хурма, орех
Хороши, но всё — чужое.
Без земли остаться — грех,
Без Отчизны — горше втрое!

ДУМА

«Русь — разорванный круг:
Есть раскольники,
Наркоманы вокруг,
Алкоголики.

Стукачи, палачи,
Мафиозия —
Жрут страну, хоть кричи,
Как коррозия!

Не поможет ей блат,
Ни священники,
Если в ясли и морг
Прут мошенники.

Если ражий мясник,
Цвета макова,
Под говяжий язык
Рвёт Булгакова.

И не сладит Щедрин
С держимордами:
Жжётся кровь — не бензин
«Опель-Фордами»!

Хватит, Русь.не наглей
В Эру Космоса,
Ради жизни детей,
Ради К О Л О С А ?

ТИРАЖНЫЕ «МАДОННЫ»

В стране разруха — не отрада,
Разгул свирепый без границ.
Идёт писательское стадо
Холёных женщин и девиц.

Они медички и юристы,
Но по дипломам — не живут.
Их манит евро, доллар чистый —
А боль страны другие жнут.

Кому нужны их откровенья
По части секса и «братвы»?
И жаль, что их «произведенья»
В мир выпускают из Москвы.

ЯЛТИНСКИЙ ЛУК

От цены сего «гостинца» —
Фиолетовые лица!

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Смотрела Жаба
На Верблюда
И удивлялась:
— Что за чудо?!

ЧАРЛИ ЧАПЛИН

Люблю в нём актёра и автора,
Он дорог не только мне.
Но что-то его «Диктатора»
Не вижу в своей стране.

Напомнят о нём по телеку,
Мол, смело сыграл врага.
И вскользь упрекнут Америку,
Что ленточка дорога.

Не по наивному ж случаю,
Входя в гегемонскую роль,
Раз двадцать себе прокручивал
Работу его — Адольф.

Один ли он это видывал?
И, правду нутром не любя,
Почти всепланетные идолы
В герое — узнали себя.

Кто хочет быть в мире посмешищем?
И власти смыкаются тут:
Для фильма стал вечным убежищем
Прославленный Голливуд.

А Чарли метёт себе клёшами
И песню несёт на устах:
— Режимы бывают хорошими,
Когда они спят в словарях.

СТОЛИЧНЫЕ ПЛЯСУНЫ

Их столько много развелось
В костюмах самых ярких красок,
Что, кажется, земная ось
Сильнее вертится от плясок.

А у экранов по стране
Сидят их бабушки и деды:
— Да что же делают оне,
Когда вокруг сплошные беды?!

Когда едят оне и спят,
Когда своих ласкают деток?
Мы тоже не жалели пят
Во время жарких пятилеток.

Крутитесь, милые, бойчей,
Но топните хоть раз ногами,
Чтоб дали больше нам харчей
За труд наш, меченный боями.

МЭРИЛИН МОНРО

Из ничего и без всего,
Без кастовых интриг,
Она вошла в верха страны,
Пленив их естеством.

Рабу любви, слугу мечты
Захватит Голливуд.
А что случилось с ней самой —
И в джазе не поймут!

Красивой бабочкой утех
И душечкой ночей
Монро останется живой
В истории кино…

ЛЖЕАРТИСТЫ

Схóдите со сцены осиянные
В щедрый государственный банкет.
А ведь дни такие окаянные,
У народа песен даже нет.

НАТЕЛЬНАЯ ЭКЗОТИКА

На майке — пальмы, надпись «TAILAND»,
На шортах — лев, на сумке — слон индийский.
Так нарядится — надобен «талант»,
На что способен недоросль российский.

ДЖО ДАССЕН

Пришёл он поздно на эстраду,
Но так влюбил в себя людей,
Что и сегодня, по заявкам,
Поёт французский соловей.

Его манерам подражали,
Хотя не знали смысл стихов.
Не помня слов, все напевали
Мотив сердечный и простой.

Спасибо, Джо! Ты белым фраком
Нам осветил угрюмость лет.
А как тогда тебе мешали —
Смолчал эфир и наших дней…

АЛЛА БАЯНОВА

Когда поёт — мы все бываем немы,
В себя глядим и глубже, и смелей.
Певица щедро дарит хризантемы
Под оклик запоздалых журавлей.

Я в зал глядел, где не было местечка,
Где люди забывали про года,
Как бирюзовым таборным колечком
Она их кольцевала навсегда.

КАРЕЛ ГОТТ

Известный чех семидесятых,
Очаровательный певец,
Влетел во все столицы мира,
Отдав тепло своей души.

А мир — штормило от разведок,
На волнах «ледяной войны»…
Он так устал от коммунизма,
Не меньше — от буржуйных дел.

Не думал ты, что экс-соцлагерь
Предаст тебя за жалкий грош.
Что ж, тёзка твой, великий Чапек,
Предвидел мякишность толпы!

ВЫПОЛЗОК

Бюджетный лидер лгал добротно,
В цифирной «пашне» был он скор,
Привыкнув сытно и вольготно
Умасливать чиновный хор.

Потом, на пенсии у друга
Соврёт вредитель от земли:
— Я жизнь сложил во славу плуга,
Но мне вверху не помогли…

НА ЕСЕНИНСКОМ ПРАЗДНИКЕ

Ивану Еганову

И надо ж было повстречаться
В старинном граде Скопине?!
Я вспомнил шахту девятнадцать,
Что дорога тебе и мне.

И школу белую у пруда,
И старый дом учителей,
И по утрам — как выдох чуда —
Полёт чубатых голубей.

Голодных коз у частокола,
Траву щипавших у дорог,
И тощих рыцарей футбола.
Где Гуля был, как царь и Бог.

Всех тех Щербатовых, Шатровых,
Шальных, как вешняя вода,
Посёлок наш в руках ежовых,
Державших многие года.

Нам не забыть под этим небом
«Тарзаньи» крики у ракит,
Лапту... и очередь за хлебом,
Где инвалид — и тот стоит!

О лица,
лица,
лица,
лица...
Я клуб наш помню до сих пор,
КАК шла «Индийская гробница»,
«Чапаев» и «Багдадский вор».

И как бы жизнь нас не крутила,
Я вспоминаю вновь и вновь,
Что здесь лучом нас осветила
Святая первая любовь.

Да и по совести признаться,
Нам не забыть теперь нигде
Посёлок шахты девятнадцать,
Где всё держалось на труде!

Пережитое носим в сердце,
Живём, судьбу благодаря...
Там корень наш, там наше детство,
Там — нашей юности заря!

г. Скопин — г. Орёл, октябрь 1987 г.

В БЕРЕЗНЯКЕ

В лучах рассвета разгорелся спор,
Своей красой гордился Мухомор.
— Так почему, — ответил Груздь седой,
Тебя всегда обходят стороной?

ПОД АСТРАХАНЬЮ

Байды мчат на двух моторах,
Водомёт — как баксомёт.
Рыбаки ли, браконьеры —
Рыбнадзор не разберёт!

На мели раскинут крючья
На белугу, сазана...
И стерлядка не проскочит,
Коль в Москве заказана!

Быть ей сваренной в шампанском,
За икру — ловки стрелять.
Что же ты, народ привольный,
Харакиришь Волгу-мать?!

Цедят Каспий, цедят сильно,
Потрошат который год.
И никак во дни путины
СОБР собраться н е м о г ё т.

А я вижу в стрежне русла
Старичонку-осетра...
Он кричит на издыханьи:
— Здесь быть Путину пора!!!

Пусть посмотрит глаз державный,
Пусть приложит перст-закон:
«За убийство осетровых —
Всех «ловцов» — в суровость зон!»

«ПЛЯЖНИКИ»

В стране — повсюду неустройка:
Там половодье, зной и град.
Но эта пляжная прослойка
С Бермудов мчится в Таиланд.

Да не тела они лелеют —
У них плавпояс из банкнот.
От ограбленья нас — жиреют,
Ныряя в банках всех широт.

Иль прилетев из Парагвая,
И, дивидендами пыля,
Поняв, как рента набухает,
Нам скажут: — РАЙСКАЯ ЗЕМЛЯ!

КРЫМСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

На фильмы — очередь от берега,
Кто взял билет — считай, в раю.
Здесь крутит Франция — Америка
Кинопродукцию свою.

СУДЬБА АКТЁРА

Из него повыкачало всё
Милое родное государство,
В путь его отправив не в своё,
А уже в небеснейшее царство.

Вам сегодня — доллары рекой,
Вам дана экранная программа.
Кувыркайся, будущий герой,
В прищуре культурнейшего хама.

А народный умер в нищете,
И кричит актёр из вечной дали:
— Роли я играл совсем не те,
Главной роли мне сыграть не дали!

ДИЛЕММА

Больно мне, когда народ
С молока — на воду дует,
Коль в престольной умный сброд
Колоссальнейше ворует.

В чём загадка, где секрет
В столь уродливейшем чуде?
И свободы вроде нет,
А свобода если будет?

НОЧЬ
поэма

Смерть — она всегда в запасе,
Жизнь — она всегда в обрез.
А. Твардовский

Не спит Россия ночью,
Нет, не спит:
Наводит на созвездья телескопы,
И варит сталь,
И рубит антрацит,
А на неё
Завистливо глядит
Германия
Биноклями Европы.

Ещё далёк,
Ещё далёк июнь.
Ещё никто
Не думает о Бресте…
И командирам
В этакую лунь
Не приходили
Мысли об аресте.

Терзала их
Несобранность страны,

Кричать хотелось:
— Единитесь, люди!
Чтоб те снаряды
Из чужих орудий
Горохом
Отлетали от стены.

Подкатывалась
Дальняя гроза.
Луна на мир
Поглядывала немо…
Визжали у подъездов
Тормоза
Мгновенно
Появляющихся «эмок».

Там, за границей,
Шутят с нашим флагом.
Не видит шуток
Из Кремля генсек.
ТРИДЦАТЫЕ…
(Нелёгок этот век)
И камеру
Вымеривает шагом
Не командарм,
А просто — человек.

При нём ни орденов,
Ни партбилета,

Ни фотографий
Близких и родных.
Но в нём — весь мир
До самого рассвета,
С рассвета —
Он не числится в живых.

Он полон дум.
Не знает мысль границы.
И в жилах кровь
Не движется — кипит,
Хоть свёрстаны
Газетные страницы,
Где «враг народа»
В полосах пестрит.

Идёт игра,
Идёт игра с азартом.
Она похожа
Чем-то на лото.
Их сумки ставят
Шарики на карту
И сотый раз
Вопрос висит:
— ЗА ЧТО???

ЗА ЧТО???
И вспоминается Царицын.

За ним и в нём
Свистящие клинки.
Как в родниках,
На мужественных лицах
Отражены пожарищ языки.

Себя увидел
В грязном лазарете.
Ответ врача
Услышал сквозь туман:
— Жаль молодца...
Уходит в лапы смерти.
Его прошил
Осколок, как таран.

Но выдюжил
Врачам на удивленье.
Опять ушёл
В защитники страны…
Такое зарождалось
Поколенье, _
Которому
Все черти — не страшны.

Мелькали годы,
Словно кинокадры.
Бросала жизнь
Туда, где горячей:

Рубил сплеча
Антоновские банды,
Из «максима» —
Отряды басмачей.

Подарками
Они не обделили,
Когда разгрома
Близился конец:
Лиловый шрам
До глаза посадили,
Эмирцы — пулей
Чиркнули в кострец.

А смерть глядит
Глазницами пустыми.
У ней права
Особые, свои:
То гасит память
Лапами своими,
То выбивает
Мысль из колеи.

Он в этот миг
Себя представил мёртвым.
Могильный холм.
И рядом — никого.
Как тяжело,
Как тяжело быть гордым,

Но гордости
Не вырвать у него.

Не верил он,
До глубины не верил
В неправоту
Великого Отца.
Мол, бил Ежов
(Прообраз поздних берий),
Бил по-садистки
В жаркие сердца.

Отец крушил
Кремлёвские интриги,
Успехи видя
В классовой борьбе.
Ему он верил —
Явью были сдвиги —
Как, может быть,
Не верил сам себе.

Но почему
Труды по обороне
Ещё не бронированной страны
Сданы в архив,
Под недоступной бронью:
«Не издавать!
ФАНТАЗИЯ ВОЙНЫ».

Один вопрос
Другим спешил смениться.
Кружились мысли
Белкой в колесе…
И радовалась буйно
Заграница,
Что кадры репрессируются… все.

Он оглядел
«Удобную квартиру».
И штукатуркой
(лучше не найдёшь)
Стал на стене,
Глухой к седому миру,
Вычерчивать
Бракованный чертёж.

Кто браковал?
Да те, кто доносили.
Кто браковал?
Завистливая тварь.
Все те, кого
Не в тех церквах крестили,
Все те, кто может плюнуть
На алтарь.

И оживали
Сложные детали,

Был мощен корпус
С яростью ствола,
Но чудилось тогда,
Как сквозь года
Новейшие снаряды пролетали
И «фердинандов»
В землю забивали
С «пантерами»
У Курска и Орла.

— Какой я враг
С хатёнкой над рекою?
Потом забылся,
Вспомнил о родном,
Как будто был он
Дома, был с семьёю,
В кругу друзей
За праздничным столом.

Спешила ночь,
Спешила быстро таять,
Как льдинка
На пылающей руке.
Уже рассвет
От края и до края
Поджёг каёмку неба
Вдалеке.

Дверь заскрипела.
У порога — трое.
Горела на околышах заря.
Не видя их,
Он к ним стоял спиною,
Как будто
С чертежами говоря…

Простенок красный.
Выщербленный камень.
Сам комендант
Читает приговор.
И офицер,
Сухой
Кавказский парень,
С охранниками
Занял
Узкий двор.

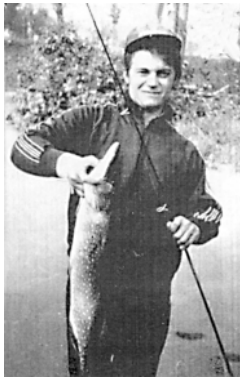
Молчанье
После
Роковой огласки.
Потом совет:
— Признайтесь — будет жизнь!
— Стреляйте!
Не нужны глазам
Повязки…
И… грохнул выстрел.
Голуби взвились!

«Врага народа»
Быстро унесли.
О, если б только,
Только было знато,
Быть может, немцы .
Так его бы чли,
Как хан Батый —
Рязанца Коловрата.

...Встревоженный
Не первою развязкой,
Которую
Не позабудешь ввек,
Пришёл чекист,
Чертёж замазал краской:
— Хоть враг-то, враг,
Но всё же — человек...

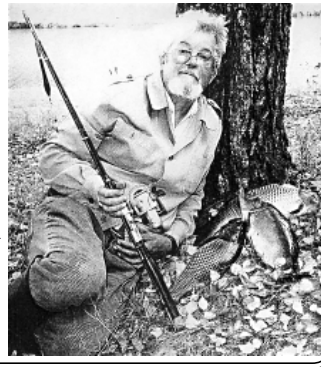
И, съёжившись
От собственного мненья —
Не слышал ли
Дежурящий сосед —
Он закурил...
На мачтовых деревьях
Плескался
Красным знаменем
Рассвет!

ЗОРИ СЧАСТЬЯ
И ЗАРНИЦЫ МЫСЛИ

ПО ПЕРВОЛЁДЬЮ

Деревушка спит в потёмках,
С электрички рыбаки —
Плотной массой топчут гравий,
Ну, держись теперь пруды!

Гуси-сторожи в волненьи,
Закричали петухи.
Солнца шар встаёт над рощей,
Засветились огоньки.

Кто-то вспомнил мать родную,
Кто-то «мать» привлёк на власть,
Кто — про окуня обрывы,
Дети — крупного ерша...

Всех обняло увлеченье,
Что нам хобби, мы просты!
Раз на русском рыбу ловишь,
Так по-русски и живи!

День прошёл в бегах у лунок,
Тянет дымом от печей.
Деревушка спать ложится,
Не видать, где рыбаки...

Но зато в дороге дальней,
Сев на полный чемодан,
Ветеран помолодевший
Отвлечётся от войны…

Слугам рынка брякнет смело:
— Кто сказал, мы чудаки?
Вот везу старухе карпа,
Подо льдом — не магазин…

ОСОБНЯКОМ

Любил вождей и претендентов,
С большой был буквы человек.
Мозоли от аплодисментов
Набил себе за долгий век.

Теперь цветные «Вести», «Время»,
Часами зрит, как истукан.
Гибрид властей: товарищ-барин,
В простонародье — флюгерман.

СЛЕПЕЦ

Свершилось чудо: Крот прозрел
И, оглянувшись воровато,
Он Солнце отругать успел
За то, что светит ярковато.

ЗЕМЛЯЧКИ

Ты то в Лондоне, то в Париже,
На Сандвичевых островах.
Тётя Вера в навозной жиже —
Всё в резиновых сапогах.

Что ни день — ты в костюме новом,
Держись талию, худобу.
Тётя Вера в мешке холщовом
Тащит хлебушек на горбу.

Ты на пляжах смеёшься звонко —
Море чище, чем изумруд.
Тётя Вера ещё девчонкой
Окуналась в заглохший пруд.

У тебя нет проблемы мыла —
Золотишко в твоём уме.
Тётя Вера сынов взрастила,
Три на волюшке, два в тюрьме.

Ты не ждёшь, как она, фатеры,
Особняк есть в твоей судьбе,
— Тётя Вера, какой вы веры?
— Верю только самой себе!

ГЛУШЬ

Тут горбаты сосёнки,
Полумрак на пути.
И боятся опёнки
От пеньков отойти.

Словно день укорочен
В половину часов.
Ощущение ночи
Слышано в щёлканье сов.

Топью путь перерезан,
Но мятущихся нет.
Через гиблое место
Надо выйти на свет!

ДЕДОВЫ РАКИТЫ

Может, не было б и речи,
И не шли б в строку слова,
Но в твоём селе — Заречье,
Вымирают дерева.

Уголок не знаменитый,
Не расписан, не воспет,
Тают дедовы ракиты,
Пряча в корнях предков свет.

Здесь народ живёт достойный,
Время меряет зарёй,
Хоть свои миры и войны
Между каждою семьёй.

Вижу грустную картину,
И зареченцам пора
За ракиту — хворостину
Посадить бы у двора.

И нужна-то ей секунда,
Чтобы прозелень дала…
Но ещё кому-то трудно
Наклониться для села.

А деревья так приветны,
Каждый листик говорит,
Что корнями век ракетный
В судьбах дедовских ракит…

ИЗ ЮНОСТИ

Я на заре вернулся в дом,
Нацеловался с Ленкой.
Кубан с топлёным молоком
Стоял с румяной пенкой.

Белела скатерть на столе,
Шёл тёплый дух от хлеба.
Хоть всё земное на Земле,
Душе — хотелось НЕБА!

СУДЬБА КОРМИЛЬЦА

— Алексей Петрович!
Не поверишь
Вот и под иконами в углу.
Жмутся дети к приоткрытой двери,
Мать ничком на выцветшем полу.

— Ой, оставил,
Что ж оставил рано…
На кого ж оставил ты меня?! —
Вечером по скорбным телеграммам
Съехалась со всех концов родня.

Тяжело...
В глубокую могилу
Навсегда уходит Хлебороб.
И земля, что век его носила,
Глухо ударяется о гроб.

На мгновенье люди как-то сжались,
А в глазах у всех вопрос с слезой:
— Почему к живому не съезжались
С радостью, печалью и бедой?

— Заняты! — берёзы шелестели.
— Некогда! — им вторили кусты.
— Быт замучил! — воробьи галдели.
И молчали люди и кресты…

ВЫСТРЕЛ

Яблоки на ветках, словно звёзды,
Светятся на радость пацанам…
Грохнул выстрел — содрогнулся воздух,
Ночь переломилась пополам.

— Ничего. Они слащей от соли.
Соль быстрей оскомину собьёт. —
А мальчишка, съёжившись от боли,
Зажимал пылающий живот.

Надломились белые ромашки,
Он лежал, ворочаясь во рву.
Из набухшей клетчатой рубашки
Высыпались штрифели в траву.

Надо б опустить трагичный случай,
Петь-писать про радость бытия.
Пел бы, если б этот гад ползучий
Не смотрел на мир в стволы ружья.

В КЛУБЕ

В детстве я полюбил в кино
Роль Чапаева, роль Махно.

Привыкая к артистам новым,
Счастлив Бабочкиным и Чирковым.

А сегодня в дворцах России —
Воры, шлюхи, менты и грили.

На экранах — убийства, шприцы,
Алкоголики, лихоимцы…

Не кричат в тишине: — Сапожник!
Каждый — грамотный и безбожник.

И за то, что был мир в крови,
От экрана ждут доброты.

ПОД ВЕЧЕР

Отличный клёв — куда ни кинь,
На барской мельнице забытой.
Золотобокий крупный линь
Хвостом ударил под ракитой.

Тащу, а сердце ходуном,
И «Невская» скрипит устало.
Крючок, останься ты крючком,
Не отпусти красавца, жало!

ПОЭТ

Он вдаль глядит задумчиво и строго,
Разорван лист, но песня будет зреть.
Так остывает в сумерках дорога,
Чтоб на рассвете снова розоветь.

ОТКРОВЕНИЕ ПУТНИКА

В глаза плебейски глядя господину,
Прося побольше хлеба, чем свобод,
Не раз, не два сгибал в поклоне спину
Казнимый и затравленный народ.

То в дружбе, то в разладе с тиранией,
За двойственность свою страдая сам,
Идёт он то пустыней, то долиной,
И редко — как Спаситель — по волнам.

Но, если узаконят диктатуру,
Репрессии вернут, как страх и кнут,
Народ великий, зная их натуру,
Накинет на безбожников хомут.

ОСВОБОДИЛСЯ

Ты не плачь о бродяге, хромка,
Слёз ведь пролито — океан.
Молодым забирался Дёмка, —
Возвратился седым Демьян.

Как на раме медвежья шкура,
Жизнь растянутою была.
Наградила прокуратура
За грабительские дела.

По линеечке, без извивов,
Вышли годы, как дым в трубу.
Часовые семи призывов
Охраняли его судьбу.

Вместо блеска зубов жемчужных
Тускло светит металл во рту.
И село к нему равнодушно,
Скуповато на доброту…

Даже некому встретить «гостя»,
Никому он в селе не мил.
Сам — родителей до погоста
Раньше времени проводил.

И морозом тоска дохнула,
Мигом сердце взяла в тиски.
По щетинистым острым скулам
Долго бегали желваки…

У СТАРОЙ МЕЛЬНИЦЫ

Неясным трепетом объят,
Ловлю плотву за перекатом.
Так долго сумерки стоят,
Позолочённые закатом.

Едва заметен поплавок,
Рябь на воде смягчает зренье.
И вроде маленький приток,
Но как волнительно уженье!

НА ВЕСАХ БЕЗДУШИЯ

Я раз столкнулся с выходкой бесовской,
Слова легли, как гири, на весы:
— Не нужен мне Шукшин и Смоктуновский,
Я лучше съем коляску колбасы.

Торговочка с зубами золотыми,
Поставив лихо руки на бока,
Над мёртвыми смеялась и живыми,
Как будто бы наелась на века.

И что-то было мерзкое в ответе,
И в сердце мне закрадывался страх,
А если у неё такие дети?
А если эти «детки» при властях?!

РАННЯЯ ВЕСНА

Соловью для песен — ночи мало,
Поутру солирует и днём,
Будоража чащу краснотала
Над прозрачно-ключевым ручьём.

И от зеленеющего луга,
Что вчера омыт был под грозой,
Светится сквозистая округа,
Нежно сочетаясь с бирюзой.

БАТОН

Есть «Подмосковный» и «Горчичный»,
С изюмом, с маком и простой.
И каждый, вкус имея личный,
Берёт на стол себе — любой.

Но вот беда и незадача,
Цена растёт, как снежный ком.
Душа кричит, а нету плача,
Глаза — пред новым ярлыком.

Ах, до чего народ двужильный,
То хлеб — горой, то — ничего.
Введите в торг батон «Стабильный»
Но цены — снизьте на него.

ЖЕРЕБЁНОК

Пока ему раздолье тут,
Потом — соха и плуг.
И прежде, чем войти в хомут —
Копытит мокрый луг.

Он грудью рвёт туманный дым,
Несясь во весь опор.
И ржаньем дерзко-молодым
Он радует простор.

БЕСПЕЧНЫЙ ЕЗДОК

В узлах истрёпанная упряжь,
И сани, жуткие на вид.
Хмельной мужик морозным утром,
Кнутом кобылу веселит.

Полегче бы по косогорам,
Так можно врезаться и в столб.
Но развращённому мотором,
Рысь не нужна, подай галоп.

Под крепкой руганью нахала
Острее пахнет конский пот.
Ну, а загонит, скажет: — Паа-ла!
И кормом власти упрекнёт.

ПЕРВЫЙ ГРОМ

От клейких листьев — воздух гуще,
Сады внезапно зацвели.
И в белой кипени цветущей
Гудят и пчёлы, и шмели.

Смотрю с улыбкой на прохожих
И замечаю, проходя,
Что лица их не стали строже,
Светясь от магии дождя.

В ДЕРЕВНЕ

Скрипят в лугах коростели,
Как сапоги из хрома,
Как будто только в них прошли
На росный луг из дома.

И там, где рощица видна
На холмике высоком,
Такая выплыла луна,
Что не окинешь оком.

АВТОЛАВКА

Пронзительно сигналя поутру,
По слякоти, морозу и по зною,
Раздолбанный «Козёл» везёт харчи
В забытые Москвою горе-долы.

Клаксон ревёт, визжит и аж хрипит,
Будя селян и дёргая собак.
Здесь нет коров, овец, гусей, ребят —
На роще слава прошлого закрыта.

Не русский, а кавказец тут рулит,
И стыдно мне за тех мобильных хамов,
Что вышли из навоза и ракит,
А нынче Землю Предков распродали…

В МАСТЕРСКОЙ

Тюкает Матвеич молоточком
(Пахнет варом тихий уголок),
То иглой ведёт прямую строчку,
То каблук поправит, то носок.

— Вроде все профессии воспеты,
Но я рад, когда ко мне идут
Дворники, фискалы и поэты…
Почитают, стало быть, мой труд.

Мне за их доверие сплясать бы,
Делу не мешает борода.
Каблуки ломаются на свадьбах —
Дай же Бог, чтоб так велось всегда!

Забираю туфли: — Просто сказка!..
Вроде мелочь, а душа светла…
— Не чинил давно сапог солдатских —
Лучше б их совсем Земля сняла!

НОВОСТЬ

— Вчера Верблюда исключили!
— Ну, а причина?
— Много пили.
К тому ж для едущих особ
Он оказался — одногорб.

РОДНЯ

Как сердце материнское унять?
Терпение ж его не беспредельно:
Родные люди — доченька и зять
От матери обедают отдельно.

Хотя варила общая плита
И жглись дрова из общего сарая.
Под общей крышей глохнет доброта,
Трёх самых близких к истине взывая.

Найдут ли путь в молчаньи ледяном?
И чёрная ли кошка виновата?
А мать одна достраивала дом,
Когда отца разорвала граната…

Она одна качала колыбель,
Жевала мякиш в марлевую соску…
Но зять не видит это через хмель,
В зубах железных нянча папироску.

И доченька посматривает тупо,
Деля с супругом горькое питьё,
Как будто бы от полтарелки супа
Сберкнижка похудеет у неё.

Я верю, что вернётся в дом тепло,
Блинам горячим снова будут рады…
Как ни было бы в жизни тяжело —
Нет горестней безвременной ограды.

ХУТОРЯНКИ

Пойми их — в духе ли, не в духе,
Но в майский вечер на крыльце
Две женщины, две молодухи,
Заговорили о кольце.

Шатенка с искрами во взгляде:
— Что толку обруч золотой,
Когда кулак супруга за день
Висит раз десять над тобой?!

— Таить не будем, знаем вместе,
Что честь, как под воду ушла…
К О Л Ь Ц О —
Готовилось невесте,
Кольцо — невеста не брала.

— Теперь в шкатулки собирают
И стерегут добро своё…
Так — лихорадка золотая,
И — бесколечное житьё.

А мне мечталось, мне б хотелось,
Как хочешь это назови,
Чтоб о любви не только пелось —
Жилось бы легче от любви!

Кого она не окрыляла?
И у неё в достатке сил
Быть благороднее металла,
Какой бы век не наступил!

ОКОЛИЧНЫЙ

Его в селе ждала невеста,
Но ворошиловский стрелок,
Тяжёлый бой приняв у Бреста,
Услышал вскоре: — Хенде хох!

— Немецкий врач скажи «спасиба»,
Мы облегчаль тибе удар.
Снаряды крупного колибра
Точи на юден камисар…

За брак — короткие расчёты:
Прикладом в спину и под
дых.
А после каторжной работы
Вели закапывать своих.

…Вернулся. Выбрал деревушку
И, при кузнечном ремесле,
Держал корову и телушку,
И ноги слабые в тепле.

Гусей откормленное стадо
Он раньше всех в сельпо сдавал.
А в День Победы, в час парада
Свой репродуктор выключал…

На сходы вовремя являлся,
Курил крепчайший самосад.
И за себя не заступался,
Чужому счастью не был рад.

Стал политрук частенько сниться,
От этих снов бросало в дрожь:
«Как ты посмел не застрелиться?
Убиты мы, а ты живёшь…»

Когда прикладывался к чарке,
Слова летели, как шмели:
— Сынок, Европа любит марки,
Ну а по-нашему рубли.

И мне поверь, не ложным слухам:
Судьба отцовская черна.
Калека телом я и духом,
Но не во всём моя вина.

И нынче деспоты не редки,
Что любят жечь людские сны.
И хоть глотаю я таблетки,
Возил бы их в тигровой клетке,
Они и в клетке-то страшны.

ЗАЕЗЖИЙ ГОСТЬ

Звёздами мямлит старец,
Кошкой — рифмует стих.
Боли — упрятал в ранец,
Слёзы — в луны триптих.

Краткость шустра в печати:
— Тютчев, Рубцов и Фет!
Тявкают из редакций
Распределители бед.

Строкой за строкою в святость
Метит подмузный бомж.
Лишить бы его бумаги,
А то ж прослывёт ослом!

Лакеем пирушек власти,
Междатным календарём
Выходит к крестьянам клоун —
Бездарнейший стихоплёт…

В ПРОДМАГЕ

В жизни праведной и косной
Новых слов не перечесть:
«Перестройка», «судьбоносно»,
Нет продуктов — «рынок» есть.

Встретишь друга на рыбалке,
Родниковой выпьешь с ним:
— Как живёшь-то?
— Однозначно.
— А с женою?
— Плюрализм.

Располневшие мадонны
Рассуждают битый час
Про колготки, про талоны,
Ваучер и телефакс.

На прилавке музыкальном
Вместо слова «саксофон»
В спешке, может быть, случайно
Написали: «сексофон»

Мужики, пивцо глотая,
Так буфетчицу клянут:
— Ето баба «теневая» —
Економикой зовут.

С явным признаком издёвки
Внёс тут парень «рацзерно»:
— Надо в виде поллитровки
Сделать винное окно.

Дед в «андроповском» костюме
Так беседует с женой:
— Мань, побёг я на «парламент»,
Дашкин «телик»-то цветной!

Там отчёт и там анализ,
Как в двухтысячный иттить…
Так, их мать, зарынковались,
Зубы некуда ложить!

Здесь, конечно, не до рая,
Но уже который год
Судьбоносность колготная
Сверху спущена в народ.

О, Спаситель, о, Иезус!
Твой ответ — давно мы ждём…
Будет ли когда «консенсус»
Между массой и Кремлём???

ЗАЗНАЛСЯ

— Я крепче всех! — кричал могучий Дуб,
И никому не уступлю по силе!
А утром эту невидаль —
СПИЛИЛИ!

ЯРМАРКА

Эх ты, русская свет-традиция,
Вновь ты входишь в житьё-бытьё.
Но дружинники и милиция
Окружают теперь её.

Ни улыбки вокруг, ни шуточки,
Даже ряженый хор смешон.
Неестественно крячут уточки,
Словно дали им мегафон.

И стоят баран озадаченный,
Смотрит жалобно на людей,
Потому что цена назначена:
Слон дешевле. Ну, хоть убей!

Не до пива и не до водочки.
Дед с кошелкой присел, ослаб:
— Бочковой бы сюда селёдочки,
И нельзя, а с лучком пошла б.

Не считалися барской пищею
Белорыбица и треска.
А гранатами да хурмищею
Разве выкормишь мужика?

Непорядки ввели с деньжатами,
Демохратия тут не та…
Вы про линию? Чёрт с ней, с линией!
Не вела б она куды зря.

— Жалко очередь многоустою,
Почерневшую, словно тень,
Что с утра кипит за капустою
Не в простой, а в ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ.

— Значит, это кому-то нравится,
И программка их не слепа:
Если люди за чем-то давятся —
Там людей уж нет, там — толпа.

…Дорогие мои сограждане,
Не ловитесь легко на крюк:
Вы сегодня котлеты жарите,
Завтра — броситесь на урюк.

Чтоб не клянчить мясца да топлива,
Объявите в стране аврал:
Ставьте в очередь тех избранников,
Кто те очереди создал.

СВЕРХОПТИМИСТ

— Всё мы сделаем как надо:
ПОВЕРНЁМ НАЗАД ТОРНАДО!

БОЛЬ ПОТЕРИ

В лесу ни рыси и ни волка,
Вокруг болотищ нет и скал.
И человек-то не иголка,
А за селом своим пропал…

Искали все — район и область,
Людей терзали боль и злость.
Наипечальнейшая повесть,
А выпал снег — и улеглось.

Но кто-то видел, кто-то знает,
На дне души таит секрет.
Он, может, рядом наблюдает
И ухмыляется в ответ…

ПОД ПРАЗДНИК

Берёзовые ветки на базаре,
Трясут их, выбирают покучней.
И седенькая бабушка в ударе —
Лет на полсотни выглядит юней.

Как будто на лугу она зелёном,
Где весел ситец, солнечен атлас,
Где через миг за колокольным звоном
Частушки прозвенят под перепляс.

И Троица раскроет настежь двери,
Гостей, родню усадит за столы.
И каждому, кто верит и не верит,
Покажет в избах красные углы…

Та жизнь прошла. И в жёсткую ладошку
Ложатся серебро и медяки.
— И слава Богу, хватит на дорожку,
Помянут добрым словом земляки.

По комнатам развешивайте ветки,
Не все ж ведь доберётесь до села!
И первый раз забыла про таблетки,
Что ей сноха на целый век дала…

СОВРЕМЕННИЧЕК

На рассвете, в птичьем гаме,
Важно вышел на крыльцо.
И, как ссохшийся пергамент,
Недовольное лицо.

Срезан лоб скобою чёлки,
И уже не первый раз
На весь мир глядят две щёлки
Вместо пары добрых глаз.

— Кто теперь друг другу верит?
Помешались на добре…
В дом его — закрыты двери,
Три овчарки во дворе.

Не даёт им кость пустую,
А с мясцом швырнёт навар.
Он на снежную «Волжанку»
Чьи-то слёзы собирал.

Чей-то смех и чью-то волю.
И, рублёвый хруст любя,
Не считался с чьей-то болью,
Обожая лишь себя.

Брал в кладовых, по сусекам,
В тайниках людских сердец…
Был когда-то человеком —
Без пяти минут мертвец.

В ФИРМЕННОМ МАГАЗИНЕ «ДАРЫ МОРЯ»

Картина здесь не сложная — простая,
Деликатесов нет, и не мечтай:
Ставрида отвернулась от минтая,
А на ставриду не глядит минтай.

СТАРЫЕ ИГРУШКИ

Ох, до чего же мудр народ,
В игрушке — чародей!
Как день базарный подойдёт —
Всю душу для детей.

Умелец был — не трын-трава,
И дело знал, и речь.
Не продавалась булава,
Не помню детский меч.

А был на ниточке циркач,
И зайцы-кузнецы.
Тут хочешь радуйся, хоть плачь —
Ищи рубли, отцы!

Пел соловьём свисток при всех,
В кружок звала дуда.
Героем Юмор был и Смех.
А Ужас — н и к о г д а .

Хотя всё было за спиной:
И немец, и монгол,
Цусима с красною водой
И ленинский раскол.

— Коняга — грош, матрёшка — грош!
Кричал иной старик.
Играй, малыш, а подрастёшь —
Дадут бесплатно штык.

Ах, до чего же мудр народ:
Не озлоблял игру!
В голодный год и в хлебный год
Детей учил Д О Б Р У .

ЗАГРАДОТРЯДЕЦ

До чего офицер красив!
На зазнобу глядит влюблённо.
Он вчера из «максима» скосил
Отступающих — полбатальона.

Омских, белгородских, псковских,
Из Ташкента и Ашхабада…
— Прочитай о любви мне стих, —
Томно шепчет его услада.

Он трофейный бекон жуёт,
И коньяк разливает в кружки.
Но не знает лжепатриот,
Что и сам он уже на мушке.

...Не убили. Остался жив.
Вечным «ухом» считался в штатах.
Выбил внукам жилой массив,
На Девятое — весь в наградах.

Поучает родню, как жить:
— Не транжирьте, что мы имеем!
А меня прошу положить
Только рядом с архиереем...

БЫЛОЕ

Лежим с товарищем в пшенице,
Карманы новиной полны...
И вдруг объездчик чёрной птицей
Внезапно вырос у спины.

Трудна домой была дорога,
И вовсе дело не в ремне.
Панкрат у нашего порога
Хрипел на вздыбленном коне.

Мол, днём и ночью он в заботах,
Что мы срываем заготплан.
И, в грязь втоптав живых и мёртвых,
Напомнил нам про Магадан.

Над деревенькой пыль вставала,
Беля родителям виски,
И наше детство омрачала,
А голод — звал по колоски.

...Какие булки в магазине!
Изюм в батонах — благодать!
А я вдруг вспомнил полдень синий.
Могла бы память помолчать...

Ведь тот заботливый объездчик
В поля — оградою гладит,
И металлические речи
Не тяжелят российский быт.

С НАТУРЫ

Туман вползает в глубь садов
Через плетни со дна низины,
Крадясь за высыпкой дроздов
По красным ягодам рябины.

И, поднимаясь в синеве,
Он так порою густ местами,
Что плачут ветки о листве
Большими, тихими слезами.

НЕ ПО ЛЮБВИ

Мне говорят: семья распалась,
Что вас обоих занесло,
И то, что счастьем называлось,
Печалью на сердце легло.

И одиноко, и бескрыло
Твоя терзается душа.
Теперь ты миру подарила
Не одного бы малыша.

Но возвратится муж едва ли,
Бессильны окрики родных…
Тебя пелёнки испугали,
Как будто ты росла без них.

МОНОЛОГ ПОЛИТЗЕКА

Старорежимцы с мордами бульдогов,
Придёт конец чудовищной «лафе».
Вы просите под бременем налогов
Наган и красный кант на галифе.

Папаши и откормленные детки,
Входившие и вхожие во власть,
Как жаждете вы вновь нажать гашетки
И только чтоб — в затылочную часть…

От вас тряслись и в центре,и в Игарке,
От ваших дел в крови ещё земля.
Матёрые немецкие овчарки
Перед оскалом вашим — пуделя.

Европу не держать вам под конвоем,
На мысль не навести прожектора…
Мы вас, как нечисть страшную, зароем
И глубоко — до самого ядра.

НА ПОБЫВКЕ

Ах, эта с якорем кокарда —
Второе солнце для ребят.
И, увеличивая радость,
Погоны золотом горят!

И кортик жмётся к форме новой,
То от неё качнётся вспять,
И костью светится слоновой
С защитной планкой рукоять.

— Захарыч! Стань-ка хорошенько!
Сними свой, прах его, картуз!
— Ещё чаво? Да это ж Ванька —
Не адмирал же карапуз.

— Какого Дарья воспитала?!
— Теперь на сердце отлегло…
Как за священником, бывало,
Так и за ним идёт село.

А в поздний час на сеновале,
Когда прохлада от реки,
Матросы в памяти вставали,
Как на подлодке — земляки…

В разгар похода боевого,
Суровой вахтенной страды,
Хотелось воздуха родного
Сквозь мощный пласт чужой воды.

И он, рождаясь из тумана,
Пересекал, как лазер, даль,
Пронзая толщу океана,
Саму подлодочную сталь…

И, засыпая на рассвете,
Наш отпускник не знал того,
Что ребятишки в лунном свете
Фуражку мерили его.

ЭВОЛЮЦИЯ

Слоны в наш век слабее стали:
Знать, Моськи роль свою сыграли.

ИСТОК

Тебя потянуло к воде родниковой,
От цепких удобств городского угла.
И вот перед взором твоим — Кошелёво…
Деревня, где мать тебе имя дала.

Всё так же на юг убегают ракиты,
Но бег замедляется у большака.
Всё тот же ручей, к луговине пришитый
Зелёными иглами тростника.

В приземистых хатах — забиты оконца.
Плетни сиротливо глядят на сады.
И некому утром в глубоких колодцах
Ударить ведёрком по глади воды.

Не здесь ли твоё голенастое детство,
Смеясь, ликовало, ловя карасей?
Родимое место — наследствам наследство,
Не кузовом меряй, а совестью всей.

Скупая слеза — и в тумане дорога.
В стекле ветровом приубавился свет.
Ты выключи «дворник», он здесь не подмога.
Дорога сухая, и дождика нет.

Всё в памяти ярко: отец на подводе,
Мать ситчику рада, а булкам — родня…
По старым усадьбам бульдозер проходит,
Беспамятству мира — свидетель-река…

В НОВОРОССИЙСКЕ

Мы с сыном за рыбалкой наблюдали
И рыбаков нам просто было жаль:
Они т о л п о й на пристани стояли,
Лес удочек бросая на кефаль.

ЗАБЫТАЯ КЛАДКА

Спускаюсь вниз за соловьиной трелью,
Чем гуще чаща — тоньше аромат.
В овраге тёмном, за невзрачной елью,
Через ручей жердиночки лежат.

Перескочу, замру от удивленья…
А после вспомню, выйдя в ярость дня,
Что кто-то в соловьиные владенья
Две белых жерди бросил до меня!

МУДРЫЙ СОВЕТ

Мне говорил когда-то прадед
(Над ним сирень уже цветёт):
— Не подходи с уздечкой к правде,
Она, как лошадь, задом бьёт.

— Ну, что сказать? Совет хороший:
И не заешь, и не запьёшь…
Но страшен тот, кто бьёт в ладоши,
Когда КОНЁМ ТАНЦУЕТ ЛОЖЬ.

НАШЛА ГДЕ ЛУЧШЕ...

Красатуля-секретарша,
У блестящего стола.
Деревенская Маняша
Раньше розовой была.

Снова замуж неохота,
Но квартира не пуста.
Воскресенье ли, суббота —
Вся гостями занята.

Полумрак. Магнитофончик.
Сервелат. Коньяк. Букет.
И румяный шеф, как пончик,
Пьёт за свой авторитет.

Пожелав гостям удачи,
Ты проводишь их в метель,
Мягко-мягко, по-кошачьи,
Заберясь в свою постель.

Он придёт, ночной голубчик,
От паров навеселе.
У него — особый ключик:
Твой подарок в феврале.

Утром — снова за бумаги,
Бесконечные звонки.

Ждут со свёртками завмаги,
Толкачи-боевики.

Шоколад за мармеладом,
Приглашенье на Кавказ.
Этот — ползает под взглядом,
Тот — с груди не сводит глаз.

Суетная многоликость
При сноровке деловой.
Счастье на плечи свалилось
Мягкой шалью — даровой.

Поглядишь, не жизнь — малина,
В снег — гвоздики на столе.
А мамаша — нянчит двойню
В захолустнейшем селе…

Пишет: «Надо по закону.
Юбкой-то не мельтеши!
Прикипела к телефону,
Да всё скачешь без семьи…»

Так живёт Мария-Маша,
Годы мчатся не в ладу.
Симпатична секретарша,
А секреты — на виду!

НА РАСПУТЬЕ

На Пасху тёщу я проведал,
Гостил в деревне в семь дворов.
Где бабки есть, исчезли деды,
Где куры есть и нет коров.

И тётя Дуня, бабка Фрося
При скорбной вытяжке лица
За два-три отдыха доносят
Воды ведёрко до крыльца.

Глядят под вечер отрешённо
За речку, в сторону моста.
И ждут с надеждой почтальона,
Ну как Спасителя Христа.

Уходят в хаты с неохотой,
И просто жалко их до слёз…
А не вчера ли их работой
Гремел на весь район колхоз?!

СПАСИБО, МИЛЫЕ, ЗА ДЕЛО!
За трудный хлеб и молоко!
Хотя бы хворь Вас облетела,
Да чтоб дышалось Вам легко!!!

ОДИНОЧЕСТВО ЛЕЧА...

Холодный дождь прибил дорогу,
И на виду односельчан
Пронёс пластмассовую ногу,
Скрипя протезом, ветеран.

Я с инвалидом не общался,
Не знал его геройский путь.
Но эта жёлтая пластмасса
Не позволяла мне заснуть.

...И я представил поле боя
И лужу крови от бойца,
Как врач орудовал пилою
Немного ниже костреца.

И море слёз, юнцом пролитых,
И крик его, взрывавший сон,
И счастье, что в число убитых
Он всё же не был занесён.

Не ворошить бы тут былого,
И так от прошлого — мороз...
Солдат из центра областного
Муляж ноги своей привёз.

Кто знает думы инвалида
За эти тяжкие часы???
Но тяжелей была обида —
Её ж не бросишь на весы!

Ввалился он в свою хатину,
Родному местушку был рад…
Откуда чёрствость медицины
Вошла в чиновный аппарат?

МЕЛОДИЯ ДУШИ

Год пройдёт, промчатся десять,
Но забыть не хватит сил,
Как за куст цеплялся месяц,
В воду тёплую входил.

Как из ближней деревушки,
Не кудряв и не речист,
В тишину ронял частушки
Запоздавший гармонист.

Звонко радовались кнопки,
Так мелодия лилась,
Даже пыль на влажной тропке
В пляску чуть не поднялась!

Я стоял в тени деревьев,
Не спешил на сеновал.
Мне бы тоже в ту деревню,
Где тот парень побывал!

И каким бы тусклым светом
Ни грозили мне года,
Той игры — перед рассветом
Не забуду никогда...

КОЛЕСО ПРОГРЕССА

Есть у жизни простые законы,
Жизнь одна даже в век скоростей.
В «джипе» катит теперь Ионыч,
Заморив тройку сытых коней.

А в редакции где-то, быть может,
Новый Чехов без денег сидит.
Ничего, если съеденный ложью,
Он умрёт. На останки — гранит!

Ну зачем нам булыжник познанья?
Лицемерие знает Земля,
Увеличивая расстоянье
Меж талантом и курсом рубля.

СЛОЖНЫЙ ОТЕЦ

— Как живёте, дядя Сень?
— Медь коплю на чёрный день.

Старикам теперь не рады…
Любит выпить молодёжь.
Похоронят без ограды,
Коль рубля не соберёшь.

Век-то мой уже не долгий,
Кашу съесть и то нет сил…
А в Полесье — сын на «Волге»,
Не казённая — д а р и л .

Как-то дочери строптивой
Говорил: — Пойми, дитя!
Комнат ждёшь от коллектива?
Выжмут дух за комнатя.

Получай-ка, дочь, ключи:
Да про корень помолчи.
Улыбается судьба —
Всё с отцовского горба.

...Перед тем, как лечь во гробе,
Так к дантисту зачастил,
Что на челюсти на обе
Он коронки посадил.

Золотые, высшей пробы,
(Царской метинки металл.)
На земле с металлом побыл,
И туда его забрал...

НА ЗАРЕ

Пришёл к реке я на свиданье
И снасть забросил в омуток.
Со стрекозой стоял в молчаньи
Красивый красный поплавок.

И вдруг — камыш дугой сгибая,
Со звоном леска напряглась.
От града брызг листва сверкает —
Поднял бурун упругий язь.

В коряги он успел забиться,
Но старый кряж его не спас.
Я на часок пришёл к водице,
А он ещё добавил час.

ХОЗЯЙКА

Всё твоими глазками просмотрено,
С граблями дружила и с лопатою,
Потому и лучше всех смородина,
Чисто и уютно перед хатою.

Розовые, белые, лиловые
Мальвы-розы вам напомнят радугу.
Люди хоть в округе невесёлые,
А посмотрят — мальвы душу радуют.

А детей — прельстила жизнь свободная,
Лучше в «мерседесе», чем на тракторе.
Их прельщает зелень огородная
И яйцо, что куры накудахтали.

Заберут гусёнка недоросшего,
Мёд сольют, боясь, как чёрта, пасеки.
Пожелают ей всего хорошего —
И адью — и девочки, и мальчики.

За порогом — жизнь сверхинтересная,
Только не у всех судьба счастливая.
Матерь Божья — Божество небесное,
Мать земная — по-земному милая.

ГРУЗОВИЧОК

Сигналят «Волги» при обгоне звонко,
Летят привычно с юга и на юг.
И ты ползёшь, зелёная трёхтонка,
Среди своих сияющих подруг.

— Притормозите! Гляньте мимоходом
На зашаливший мой карданный вал.
Ведь я с того же самого завода,
Бензин не тот, но этот же металл.

Я режу слух ваш скрежетом и скрипом,
И, ежели до базы не дойду,
Вы передайте мастерам «С П А С И Б О !» —
Жизнь не прошла на холостом ходу…

Не позабыть мне годы огневые,
Под силу был весь перечень преград:
Воронковые ужасы в России
И минный ад берлинских автострад.

…Спасибо Мастерам — живым и мёртвым,
Сигналю хрипло — мёртвым и живым…
И майский дождь сбегал, по мутным стёклам,
Как по щекам, — по стёклам ветровым.

В ЛЕСУ

— А мы весёлые ребята!
Сказали грибникам опята.
Но их ножами грибники
Скосили быстро в рюкзаки.

ПОЛОВОДЬЕ

Не по сезону взъярилась река —
Тёмная силища зверем метнулась.
Хаты затоплены. Участь горька:
Что там саман, и броня бы погнулась.

Люд, обсыхающий на берегу, —
Жил, как всегда, от несчастья к несчастью.
Что для стихии спасатель Шойгу,
Брошенный в круговерть бдительной властью?!

Где-то домищи стоят, как Монблан,
Холодно глядя на ужас трагизма.
У пострадавших — древнейший саман —
Рисом кормивших эпоху вождизма.

Руку протянут. Помогут в беде.
Срочно пришлют вертолёты и лодки.
Слёзы зальют гектолитрами водки,
В муках готовясь к новой воде.

НА РОДИНЕ АВИАКОНСТРУКТОРА Н.Н. ПОЛИКАРПОВА

Марианне Николаевне — его дочери

Разбита церковь… Колокол беззвучен.
Металл и тот — был новой властью скручен.
Обломками глядит на нас с укором,
Как мы ещё не справились с позором.
За божьим храмом — быстрая Сосна —
Т а т а р щ и н о й своих потрясена!

ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Голубеют льдинки звёзд,
Схвачен пруд морозом.
Тишина грачиных гнёзд
Тягостна берёзам.

В облаках луны не ждёшь,
Станешь у порога:
Вёрст за десять разберёшь,
Как звенит дорога.

Колесо ли, быстрый шаг —
Не укроет ночка.
Отзываются в ушах
Впадинка и кочка.

Свет погашен золотой,
Ни души во мраке.
Через речку с хрипотцой
Говорят собаки.

Хоря чуют ли в кустах,
Недовольны ль «МиГом»,
Что в невидимых верхах
Пролетает мигом.

Глядь — дворняжки улеглись,
Я давлю зевоту…
А на том боку Земли —
Вышли на работу.

ПОД КУПОЛАМИ ВЕКОВ

Мы встретились в храме — обедней.
Ты тонкую свечку зажгла.
От той нашей встречи последней,
Казалось, что вечность прошла.

Досталось и снега, и града,
И зной тебя бил, и мороз.
Глубокая искренность взгляда
Похожа была на гипноз.

И радуга светлого чувства
Двояко в сознанье взошла…
А зимняя Оптина Пустынь
Сиренью опять зацвела!

ТВОРЧЕСТВО

Поётся, как ляжется на душу,
И пишется, точно же так,
Как девушка тянется к ландышу,
Как с юга — гусиный косяк.

КРИЗИСНОЕ ВРЕМЯ

Отвыкли хлеб в деревне печь,
Хотя муки и гущи вволю.
И русская не пахнет печь
Румяной коркою и полем.

Хоть ливень лей, крути метель,
Теперь такие молодицы —
Умчат за тридевять земель,
Чтоб только с тестом не возиться.

Вопрос возник само собой,
Ужели вы, гостей встречая,
В солонке вынесете соль —
Живую соль — без каравая?!

ПАССИЯ

Она при людях осушала мило
Фужеры со «Слезами Крокодила».
За что любвеобильный Крокодил
На рауте — беднягу проглотил.

ПОЖЕЛАНИЕ

Живу я в деревне у тестя,
Смотрю телевизор в дожди:
Народ остаётся на месте,
Премьеры в пути да вожди.

Для Истины нет расстояний,
Пусть крепнет сердечная нить,
Чтоб нам в Мировом океане
На айсберг не наскочить…

МАРТОВСКИЙ ЛЁД

Робко к озеру лесному
Вышли первые лучи.
Рыбачки по водоёму
Разлетелись, как грачи.

И не грустно соснам хмурым,
Бор услышать норовит,
Как под шнеком ледобура
Лёд искрящийся шуршит.

Мигом сердце затрепещет,
Дрожь почувствуешь в руке,
Как сверкнёт луной подлещик
На мормышечном крючке…

ПОРА КАПЕЛИ

Изломав оковы стужи,
Крушит зиму муть весны.
И проталины, и лужи —
Влагой снежною полны.

Позабыв на время книжки,
Окунаясь в крик и гам,
Как и раньше, ребятишки
Копошатся по ручьям.

Порыбачить? В лёд нет веры,
На реке — опасность ждёт.
Вот песчаные карьеры —
К ним ещё найдёшь подход…

ХУТОРСКИЕ СОБАКИ

Они неистово брехали,
Но, чтобы тронуть — никогда.
И всё-таки в дворняг стреляли
И бродяжня, и господа.

О них бы не было и речи,
Но, сознавая горечь дней,
В них было что-то человечье,
Чего не стало у людей.

ЧЬЯ ВИНА?

Здравствуй, лес, любимый с детства!
Возмужал ты и подрос.
Где ж деревня по соседству,
Что светилась от берёз?

Не сердись, что потревожу:
Шлют поклон и стар и мал
За обувку, за одёжу,
За тепло, что ты давал.

Ты не требуешь награды
И не ждёшь высоких слов
За качалки и ограды,
И за трели соловьёв.

Лишь подходит к сердцу жалость,
Что деревни не видать…
Только в паспорте осталось:
«д. Лесная Благодать».

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Толкаются по жизни бестолково
Сограждане в мобильной суете,
Пиная мать, косясь на честь и слово,
Валюту чтя, юродствуя в Христе.

ГЕНОАТАВИЗМ

Народ не дремлет в рвениях насущных,
Всё норовит промчать на красный свет,
Ища на магистралях злополучных
На жизнеулучшение ответ.

А облака — плывут за стаей стая,
Клин журавлиный радует с утра.
Но зародилась нация чужая,
Ей наплевать, кто были мы вчера…

КРАСОТА

Нет дождя. Сыплет мелкая морось.
Пруд в лесу позолочен вокруг.
На Покров — многоцветная осень.
Караси в камышах — бух да бух.

Кувыркаются, ходят кругами,
Крепышей хоть отлавливай вплавь.
Бросил удочку. Только глазами
Я ловлю эту дивную явь.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Россия — пересилит страх,
Я верю, что пойдут в декреты…
Земля стоит на трёх китах?
Да нет — на Матерях Планеты!

СЕВЕРНАЯ НОЧЬ

Дмитрию Сергеевичу Лихачёву

Ни прохожего, ни скрипа.
Месяц ёжится с тоски.
Спят в снегу, что за ночь выпал,
Петербург и Соловки.

Петербург — столица света,
Соловки — столица тьмы.
Нет красивее букета —
Вот где собраны умы!

Но покуда ночь над ними,
Под покровом тишины
Арестанты со святыми
Видят праведные сны.

ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ...

Румяный месяц чист и наг,
Он, как ребёнок из купели,
Что поднят кем-то на руках
До мягкой облачной постели.

А здесь внизу — покой и лень,
От речки стелется прохлада.
Нисходит ночь, но белый день
Ещё стоит в аллеях сада.

МЕЧТАТЕЛИ

О Ялте много мне рассказано
Дыханьем моря и тепла.
Но ни Васильева, ни Надсона
Она от боли не спасла.

И погибали два мечтателя,
В жару горячечно дыша,
При льдистом сердце обывателя
И при отсутствии гроша.

Они остались в человечестве,
Их дух границы пересек…
Но равнодушия в Отечестве
Я не прощу и через век.

ОТРЕШЁННОСТЬ

Медный всадник, сжав поводья,
Устремляется вперёд
Над войной, над половодьем.
Над понятием «народ».

Что ему — душа и разум, .
Смех и слёзы бытия,
Не кусавшая ни разу
Тоже медная змея?!

УЧЁНЫМ

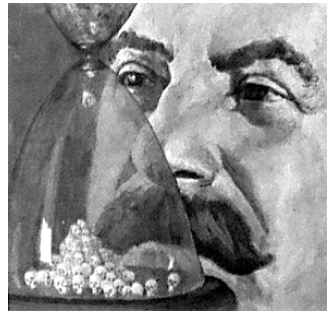
Тайны лабораторий,
Как мне до вас добраться?
Тайны военных игрищ,
Как мне взглянуть на вас?
Знаю, вас охраняют
Кнопки сигнализаций,
Роботы и охрана,
Мощные без прикрас.

Но и за той охраной
Зорко следит охрана.
Власти к охране лучшей
Пока ещё не пришли,
Чтобы никто из клана
Не рассекретил плана,
Плана шитья и кройки
Космоса и Земли.

Сильный захватит солнце,
Друг по захвату — лучик,
Слабому остаётся
В страхе от войн дрожать…
В недрах лабораторий
Столько учёных лучших:
Думайте о Вселенной,
Как о ребёнке мать!

ОТЧИСЛЕННЫЙ ПОЭТ
(Неудобные вирши)

ОТЧИСЛЕННЫЙ ПОЭТ
(Неудобные вирши)

Разгребая столичный мусор,
Вдоль бульваров и злачных мест,
Не Булгаков и не Платонов —
В выходные писал стихи.

Даровитый провинциальщик,
Не богемный, не лизоблюд,
Покорял бумагу словами,
Усмехаясь: «Поймут не поймут?!»

В тех трудах шла Орда на Киев,
Шли Кутузов, Наполеон.
Гибли тысячи во сраженьях,
Чтоб родиться мог миллион…

Он бы мог перековывать вирши,
Выдавая их за свои.
Он бы мог строкою научной
Краски критике развести!

В перекурах у стен Парнаса,
Не зовя порхающих Муз,
Одарённый заочник ВУЗа
Отчеканивал рифму-мысль.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ

Неразделённых чувств напившись
По Саре Видмант из Москвы,
Андрей исписывал тетради,
Круша тиски немой любви.

Семья исчезла непонятно —
Без шума, слухов, средь ночи —
Влюблённый видел чёрный «Паккард»
Наганно-синей саранчи…

Что мог узнать сынок шахтёра?
Где тут жиды и где «враги»???
…Чрез двадцать лет его поправят:
«Вы… о с л о ж н я е т е стихи!»

ЛОБ В ЛОБ

Школьных лет не забыть до гроба,
Те уроки — были трудны.
Но Андрей Коньков — безотцовный,
Изучал «гранит» до войны.

Меж футбола и драк бедовых,
Через шишки и синяки
Был знаком со шпаной дворовой
Жизнерадостный вундеркинд.

Но однажды, под марши Кобы,
Кто-то мощно его предал:
Педсовет, до мурашек злобный,
Вместе с матерью вызывал…

Там, под прессом нравоучений,
Распекли донельзя юнца:
— Так, откуда у вас Есенин?
— Кулака растим из мальца?!

…Дома мама, картох поджарив,
Пожурила без оплеух.
А вчера же его избили
За читанье Серёжи вслух…

ПОБЕГ

Набатом горя, кровью павших,
Слезами вдов, пришла война!!!
И оккупацией центральной
Предельно мучилась страна..

Сбежал Андрей в разгар морозов,
Но был отловлен на узлах
Схожденья красных паровозов,
Везущих смерть, несущих страх.

Замёрзший, как птенец в сугробе,
Черней донецкого угля,

Он подвернулся репортёру,
Что отошёл от патруля.

У журналиста — сын под немцем,
Застряла боль, как в горле ком…
— Давай, дружочек, на вокзале
Погреем душу кипятком.

В буфете — гильзой покати,
Еда — ушла на фронт.
Беглец успел прочесть стихи,
Запомнив: «Ты пиши.»

ВТОРОЙ ОПЫТ

Оставлена школа, заброшены снасти,
Нет времени жить в мире книг.
Товарищ Коньков — метр с папиной кепкой,
Идёт через сны на завод.

К морозу зимы Левитан прибавляет
Смертельное пекло боёв.
Ко Дню Рождества паёк обещали —
Но кто-то не доживёт…

Хрустит белизна под ботинком ленд-лиза,
Мороз — клубовой, как во сне.
На вахту Коньков, как в дозор, заступает —
Чтоб танки к Берлину пришли!

ЗЕРКАЛО ОСВОБОЖДЕНИЯ

Победный май шумел листвою,
И даже реки той весной
Особые катили воды,
На вкус похожи со слезой.

— Вернулись? — Нет?! — Ещё, вернутся!
— Что не бывает на войне!
— У нас ведь в медсанбатах лихо,
И почта, знаете, кхе-кхе…

На самом дальнем полустанке
Пацан у стрелок задремал.
Его разбудит новый «скорый»,
Идущий в Гоби и Хинган…

МАМА

Весь блокнот испещрён стихами,
В вертикали и поперёк.
Жизнь Коньковой Анны Иванны,
Во чернилах — судьба страны.

Одинокая со Гражданской,
Мал-мала от земли сама,
Повстречала она шахтёра,
Как Стаханова — красавца́!

Он погиб при обвале шахты,
И она, почернев лицом,
Выходила из дна печали,
Нянча сына, как в дни с отцом.

Однолюбка, скромна без меры,
Так кротка — забоишься сесть.
Билась рыбка об лёд годами,
За рублишки, и что поесть.

Ох, жалела она Андрейку,
Он один был усладой ей.
Ведь не пил, как чужие дети,
Бедокурил, но не хамил.

«Посвящения, посвященья...
Слишком добрым растёт сынок.
Как бы это добро в столице
Не поставило крест на нём!»

ТРЕТИЙ ОПЫТ

Оля в жизнь вошла кометой,
Как торнадо и тайфун.
Озарив Андрея светом,
Чистотой сердечных струн.

Миловидна, статна, редка,
А начитана — не спорь!

Не девчушка, а искринка,
Не Орлова, но любовь.

Положил глазок на Олю
Урка местный — Сашка Крот.
Опыт вышел нехорошим —
Оба парня под судом.

В СИЗО

В НКВД — улыбок нет.
Хлопочет мать и дядя тут.
Рыдает Ольга на бульваре,
И голуби воркуют вкруг.

Седой майор, ещё из СМЕРШа,
Не поднимая глаз, молчит.
Что может он, когда у Саши
Финарь отобран в КПЗ?

— Ну, ваш хорош! Что, девок мало?
Чуть лыжной палкой не проткнул!
Отпустим. Заявленье взяли…
Ух, кровососы, им бы — фронт!

— Да он, Андрюшка-то, наш тихий,
Рисует, пишет кой-чего.
Простите, ведь пойдёт учиться,
Никак не смыть тогда клеймо…

ДРУГ ЮНОСТИ

Он обожал велосипеды,
Но деньги видел лишь в кино.
Влюблённо гладил мотоциклы,
И мыл полуторки РАЙПО.

Дитя войны, дворовый парень,
Был худощав, болезно — плох.
Тогда — во всём не доедали,
Хотя и Рузвельт нам помог.

Уехал поступать в НАМИ́,
Продав свой драндулет.
— Быть может, встретимся, Витёк,
На трассе долгих лет!

В СТОЛИЦЕ

Не близкий путь прошёл в знакомстве
С величьем Родины своей.
И вот Москва — перрон заллюден,
Кишит обилие толпы.

— Куда идти? К кому поехать?!
А как в метро, не без воров?
Вопросов много непривычных
Рождает город городов.

Андрей спешит к Литинституту,
Вот-вот экзамены начнут.
А на пути — моря медалей
Глазам усталость задают…

Остановился, оглянулся:
— Монументальна Госпожа!
Тебя за годы не объедешь,
И как поймёшь ты сталь пера?

Клаксоны кряквами трезвонят,
Давая пешеходам знать:
«Мол, не зевай на переходах,
И не болтайся без ума!»

Сложна Москва… Туга столица
На восприятие чужих.
Ну что ж, её осмотрим в деле —
Не надо зла среди своих!

ЧЕТВЁРТЫЙ ОПЫТ

На экзаменах — хлопотливо.
Конкурс. Дрожь берёт у дверей.
Мало кто из мужчин стремился
Быть писателем в дни технарей.

Проходимцев всегда хватало,
В кругу лодырей, где не брось:

Кто-то нагло «косил» от армии,
Кто в Литфонде увидел бронь.

Ветераны, стипендиаты,
Самоучки и так себе,
Понимали, что без диплома
Жизни нет ни одной статье.

О каких тиражах и книгах
Мог сказать тогда автор вслух?!
Что он думал, таща билеты,
Кем служил — наблюдавший «друг»?

От оков общежитий душных,
От вахтёров, деканов, слуг,
От водяры, подруг матёрых —
Размечтался сбежать студент.

Оставалась одна дорога —
Стать к старушечке на постой.
Для Андрея школа бездомных
Стала рукописью стихов.

ВСТРЕЧА

— Сара, ты ли? Всё хорошеешь!
Как ты, где ты? Вот это да!
— Я, Андрюшка, зашла не просто —
Стал писателем мой кумир…

— Н-да... Стареем!
Живой ли папа?
Как мамуля и младший брат?
— Схоронила их в Магадане,
Крест ношу на своей судьбе...

Марк в Израиль стремится прытко.
Госы сдаст и Москва — прощай!
Будешь рядом — моя визитка —
Не чурайся, заварим чай!

«ТОВАРИЩ-ПРОЛЕТАРИЙ»

Почти земляк делил с ним будни,
Менял бутылки на рубли.
Петруша — был простой до жути,
Крестьянский сын в младой кости.

Любые споры разрешались,
И разгорались снова враз.
На то они и комсомольцы,
Чтоб рифмой двигать не в показ!

Настало время битв серьёзных,
Хрущёв на культ обрушил шквал.
И Петька — мальчик раскулаченный,
Исчез с критических начал...

ДЕБЮТ

Битый штыком цензуры,
«Правдист» захолустнейших мест,
Осилил конверт по почте,
Создав приговор себе.

Цитата из публикации:
«Сегодня, в скрижалях лет,
Бездарность всплывает в гении,
А гений — почти что скот.

Уроды словесных измов
И карлики бытовни,
За ленинскими трудами
Сокрыли «делишки» свои.

Хрущёв им — «гадёныш века»,
И Брежнев — «малыш войны».
Раз Сталина не подняли,
На Берию не свалить.

Ядро репрессивного гриба,
Кровей и цены Побед,
Костей всей земли Планеты,
Виляние Политбюро.

Закроют мне рот ли, нет ли,
Сожгут ли в костре дебют,

Я вижу предтечу шири —
Дыханье свободы грядёт!»

…Смятый катком цензуры.
Провинциальный «Правдист»
Был поднят из сточной канавы,
Но «Браунинг» не нашли…

РЕАКЦИЯ НА ДЕБЮТ

Ополчились и надулись,
На обломках понесло,
Дифирамбовых «поэтов»
И от партии «орлов».

Что им «Правда» — нет там правды,
А в «Известиях» назло
Поместили меморандум:
«Власть в провинции? Грешно!»

В кабинетах — семинары,
Из низов «едрёна вошь»
Закусала бонз и хамов,
Замикробила умы…

Но народ не понял трюка,
Он работал, как всегда,
Насыщая скудоумность
Сплошь девизного тельца.

«Где же автор? Чёрт побрал бы
Демократов на листах!
Ясно — парень не из старых,
КГБ возьмёт тебя!»

«Волги» мчатся, «Чайки» мнутся,
Вся столица в суете.
Кто способен на памфлеты,
Критику в своей стране?!

Месяц... два— Коньков был пойман,
Прикреплён к «делам» былым.
Тут вступились вдруг евреи,
Мир зашёлся ходуном...

ОТЧИСЛЕНИЕ

Циркуляр из Лубянки устный
Выворачивал потроха:
— Вон из ВУЗа, наглец опальный,
Трудовая юность спасла!

И побрёл дебютант несчастный
Разноблудным рабом Москвы.
Ночью — сторожем, днём — посыльным,
Между этим — чинил такси.

На хлеба-то ему хватало,
Водка, женщины — как без них?

Уважали его горожане —
Языком не молол, как все.

Отошла от души бумага,
Стёрлись в мусор карандаши.
Но прописка накрыла дланью:
«Просим выехать из Москвы»…

Грязь столицы, добро престольной,
Лепота и скульптурный шлак,
Нервность времени в потных лицах —
Отстучали по рельсам в такт.
— К родникам!

Отдышусь хоть вволю,
Мать проведаю и годков.
Знал бы он, что отчислен жизнью —
Чернота депеш не впервой…

ГОРЕ

— Прощай, мамуля! Земля пухом…
Давно не видел я тебя.
Диплом, карьера, Сары-Оли —
Одна жила ты для меня…

Среди берёзок и рябины,
На скорбном скрестье деревень,

Ты отдохнёшь от вахт великих,
Омытых потом трудодней.

Вот дед Харлампий, бабка Тоня,
Покойный брат на мине слёг…
Россия, что ж ты так ранима —
Улыбок нет, одна лишь кровь…

И одноклассник мой, Алешка,
Под плуг попавший, здесь лежит.
И дезертир из полицаев
Сорнячной стенкою закрыт.

Груба судьба моей сторонки,
Что ни холмец — ухаб страны.
Татьянка… улеглась до срока,
Кажись, по детству полюбил…

И так квадратом сотни метров,
Не видя подлости времён,
Лежат герои и больные,
И сволочи, и малыши…

Заснул моряк, в пруду утопший,
Погиб стрелок, придя с войны,
Расстрелян поп за ум вне партий,
Спят молодайки от обид…

Серёга, что в пивной зарезан,
Владлен, сожжённый в МТС,
А сколько Ванек, сколько Сашек
Лежат вдали, в чужой земле???

Простите вы меня, прощайте!
Уж раз ступил я на борьбу,
Пойду ухабистой дорогой,
О Вас по-русски напишу!!!

ТРАВЛЯ

Мир покинула мать родная,
Пока ехал сын на поклон.
Радость жизни — рыдала горем,
Покидают нас старики…

И Коньков, отдав долг по чести,
Вызван срочно в военкомат:
«Нет вас в ВУЗе, несите службу». —
Флот и армия говорят.

Отслужил три годка вчистую,
Все фарватеры изучил.
А на дембель, как раз проездом,
Белокаменную посетил.

Раз — редакция, три — редакция:
— Воспримите походов быль!

— Вы, матрос молодой, да ранний,
Ну а мы — предупреждены...

Пять журналов и киностудия
В пробуксовке отказов дымят:
— Изучайте пока Евтушенко,
Ахмадулинский нынче аншлаг!

Прикупил здесь Андрей машинку,
Взял бумаги на пару лет.
И, проплюнув под бой курантов,
Возвратился в крестьянский быт.

ОПЫТ ПЯТЫЙ

В любой деревне есть величье,
Свои — история и боль.
В такой когда-то Дима Блынский
Познал суровость, хлеб и соль.

Не спит Коньков... Его окошко
Горит звездою до утра.
Как одинокий волк, вне стёжки,
Обходит люд те хутора.

И видит он, в кольце тумана,
Каток, сминающий народ.
Не тот, что блещет под коньками,
А тот, что давит и поёт...

В Союзе творчеством не пахнет —
Одни лишь пенки да печать.
Андрей задумался в нирване,
Решив элитный мир понять:

«А, может, Трифона сынишка
Увидит Тёркина в бою?
Жаль «Новый мир» зажали слишком,
И сам редактор — на краю.

Эстеты топчут Старшинова,
Им Щипачёв — ни так, ни сяк.
У Стаднюка — кацапья «мова»,
Создатель «Дона» — не казак.

Фадеев в пуле выход видит,
А Карпов в Сталина влюблён.
И братья Родичевы в ссоре,
Меж ними зависть — Рубикон.

Зачем же Фридману Лесков?
Ахметов — сам Гирей!
Калинин —Мценский — дюж суров,
Юсуп — растит коней.

Зачем Асадову трюмо?
Ошаев — бьёт закон.
Чаковский, Пикуль, как бельмо,
И Эренбург — масон.

Фатьянова не слышно песен,
В журналах вьётся мошкара.
Ну чем же Ганичев известен?
Поэт-историк Парпара?

У Смелякова — смелость сняли,
А Михалков ушёл в «Фитиль».
И Костя Симонов в печали:
Тирана нет — всё прах и пыль…

Переполох царит в верхах,
Пиши, но правду — режь!
И Солженицын второпях
Был выслан за рубеж.

Перовский ведь не Кублановский,
И Вознесенский — не Тарковский.
Рождественскому — не чета
Верлибро — птичья босота!

Нас Муссалитин привечает —
Вещает Лёва Котюков.
Смеяться чаще нам желает
Арканов, Альтов, Иванов.

Нахально-стриженых ребят
Завлёк словесный путь,
Что в Исаковского хотят
Гранатою пульнуть.

Редакции московской прессы
Оплатят телом поэтессы.
Другим Баркова подавай,
Героев во хмельку.
А третьим — «револьверный лай»,
Где мат через строку.

Попов один, Попов другой,
Какой-то Пригов-Прагов-Драгов
Поёт асфальт, боясь оврагов.
Не лезут «на рога»,
Сорокаградусной водой
Сближая берега.

Катанов — труженик большой,
Астафьев, Носов и Благой.
Вопрос о мысли ясен —
Волошин — был опасен.

Расул — заоблачный полёт,
Барто — ушла в детсад.
Ущербный Крохин — мерзость бьёт,
Лесных — штурмует ад.

Никто не славит рожь и плуг,
Был Миша Ветров — умер друг…
А Пейгорилко — в лужу сел.
Белов хитёр, как бобр.

Распутин прям, но устарел,
Рассохин — слишком остр.
Жванецкий быт с листа читает,
Измайлов — любит Тель-Авив.

Дементьев — флейтой утешает,
Дары певца в себе открыв.
Куняев борется и сын,
Васильев — на фронтах.

Высоцкий с табуном — один,
Яновский — плачет в снах.
Стал Дронников, как богослов,
Таран он есть Таран.

А Логвинов, Золотарёв
Светлят судьбу крестьян.
Рыжов — стал Бунина учить,
Шустр в прессе — Ермаков,
Ерёмин —детям стал служить,
Забыв про стариков.

Пух тополиный да оды соловушке,
Вот, где поистине, «Песня Ерёмушке»!
От сердца и без выкрутасов
Сказал когда-то нам Некрасов:

«Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рождён природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они».

...Друзья и недруги по лире,
Я в вас, как в зеркало, смотрюсь.
Перо точите в жёстком мире,
И в этом я не ошибусь:

На Кузнецовых не проедешь,
И на Рубцовых не войдёшь
Во храм живительной науки,
Где сердце рвут не ради скуки,
И чтоб над мыслью не был грош!

ТРИУМФ ОДИНОЧКИ

СССР — форпост народа,
А он свободы захотел!
Но вышла жизни НЕСВОБОДА —
Расстрел моральный прогремел.

Родня разорвана верста́ми,
Рубли легли в чужой офф-шор.
Партийцы кормят нас речами,
И «бизнесменом» правит вор.

Стабильность в эру деградаций,
Всерыночный размах утех.
Духовность — в виде облигаций,
Где выигрыши не у всех.

Растёт пространство геноцида…
Он — что? — не виден из Кремля?
Случится может Атлантида,
Побег с обломков корабля.

И вроде люди, а не крысы,
Но почему трусливы вы?!
Идёт Коньков — о них же мыслит,
Хотя уж многие мертвы.

Одни — упились горькой вдоволь,
Других сжёг опиум и яд.
Как говорят теперь их вдовы:
— Убила подлость державят.

Кресты и бюсты. Бронза. Мрамор.
Кому — цветы, кому — позор...
С утра приходит телеграмма:
«ГОТОВЬТЕ ВСЕ ТОМА В НАБОР».

РОДСТВЕННЫЕ ДУШИ

Человек человеку — брат,
Хоть банально, но справедливо.
На Конькова вышел собрат —
Начинающий в литературе.

В новом мире случилось так,
Что он стал главой типографий.
И решил он пойти вразрез
Монопольности эпитафий.

Он закончил Литинститут
На расколе глыбы застоя.
И в архиве своём хранил
Все крупицы его истории.

Был Сан Саныч при встрече рад:
— Мы цензурить тебя не будем.
Помнишь: РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ?
Всё неси — книги выйдут к людям!

…Раскупили первый тираж,
Разобрали второй и третий.
По заявкам вошли в экстаз
Как читатель, так автор прений.

Редкий случай и всё ж простой,
Не ленитесь, писатели будущего!
Наступает черед времён,
Где погибнет чудовищность прошлого!

ЗАПОЗДАЛОЕ ИНТЕРВЬЮ

Понаехало москитов —
«Форды», «Джипы» и «Рено»,
Пробирались, портя днища,
В старорусское село.

— Я не блякую в эфире
И артистов не зову
Разыграть спектакли жизни
Перед гробом наяву!

«БИ-БИ-СИ» ведь знает больше,
И «Свобода» не глупа…
Вы читали мои книги?
Что увидели в стихах???

Интервью срывалось мыслью
Стихотворца и борца.
На картавой вечеринке порешили:
«Брать с утра!»

— Эх, настырные вы люди,
Ум поэта — не рояль.
Срам погубит торго-торгов,
И штрейкбрехеров — ансамбль.

Кто пророки в этом мире?
Вы — проехали страну.
Опишите беды, были,
Разыщите доброту!

«Отъезжают. Слава Богу!
Сплошь — бюджетные клещи.
Вновь обманете людишек
За блаженства по пути…»

СТИХОЗАВЕЩАНИЕ (2005-й)

«Признан миром, переиздан.
Даже сверхпереведён.
Зван на рауты богемы,
По столицам — приглашён.

Не пойду и не поеду;
Пир писателю — чума…
Мысль — диаспора спасала,
Не еврейская — своя.

Подходя к финалу жизни,
Снова вижу родники.
Слышу птиц, считаю звёзды,
Они — ангелы мои.

По летам общаясь с ними,
По зиме топя избу,
Я был выношен водою,
Благородием отцов.

Их трудом в войне и мире,
Материнскою слезой,
Битвой с недопониманьем,
Чёрствостью чужих умов.

Всем спасибо за науку,
Жизнь на опытах стоит.
А Заглавное в судьбине
Пусть в архиве полежит.

Велика ещё проказа
В чреве Матушки-Руси.
Воспитуйте себя сами,
Граждане — политики»

1957–2005 гг., г. Орёл — СССР — РФ — страны СНГ, «По ухабам Отечества» («Путевые заметки»).

Содержание

МЫ ВАС ЛЮБИМ, ФРОНТОВИКИ!

«Чёрный скорый» 4
Простак 5
Воскресный базар 5
Возвращение с Финской 6
Ястреб 6
Желанная 7
Бумеранг войны 8
Медичка 9
Луч добра 9
Художнику 9
Оккупация 10
Интендант 11
Курским литераторам 11
Передачи дружбы 12
Будь зорче! 12
Штрафбат героев 13
Летописцам войны 14
По долгу мести 15
Осилим? 15
Радиопризнание 16
У памятника 17
Клавдия Шульженко 17
Редкая встреча 18
Четверо в застолье 18
За кадром 19
Гений кисти 19

Обоз 20
У кассы 20
Снайпер 21
Защитники 21
Забытый район 22
Бойцы вспоминают 22
Трус 23
Дорога жизни 24
Котелок (рассказ солдата) 25
Потеря 26
Марика Рёкк 27
Майская трагедия 28
Наполеон 28
Эшелон 29
Изабелла Юрьева 29
Марлен Дитрих 30
Пётр Лещенко 30
Вор чести воинской 31
Ошибка 31
Без веры 32
Сквозь призму лет 32
«Божество» 33
Художник 33
На попутной 34
Меченый 34
Стыдно! 35
Поджигателям войны 35
Затмение 36
Сельский мудрец 36
Кровавый хмель 37
Эдит Пиаф 37
«Далёким прошлым пахнет хуторочек...» 38
Блуждание 38

В честь Победы! 39
В троллейбусе 39
Просьба животновода 39
В полях 40
Самолёт земляка 40
Заповедь 40

ИСКАЖЕНИЕ ВЕЧНОСТИ

Штрих биографии 42
Обращение 42
Слесарёнок 43
Не тот быт 43
Во дворе 43
Куда идём? 44
Варианты «Бессмертия» 44
Завещание деда 45
Родимой стороною 45
Мнение 45
Переболевшее 46
Великопродажность 46
Терпимость 46
В глубинке 47
Незадача 47
Нашенское 47
Очевидное — невероятное 48
Обыкновенный двор 48
«Эх, бизнесмены, вас корить не стану!...» 49
«Тралом, невидимой сетью...» 49
Истина 49
«Попривыкли к комфорту...» 50
«Куда тебя забросило, афганец!...» 50
Кощунство 50
«Подавлено сообщество людское...» 51

«Сограждане, увидьте отраженье...» 51
Равнодушным 51
«Народолюбцам» 52
Мимо инвестиций 52
В зеркале нэпа 53
Безликая пресса 53
Вредная правда 54
Буржуйчик 54
Искажение вечности 56
Странная история 56
Баксогонщик 57
«Инвестиции прут полным ходом...» 57
Солнечный раб 57
Веянье времени 58
Люди собраны в регионы! 58
Искры повседневья 59
Через время 59
Эксплуататоры понятий 60
Ущербный друг 60
Пластилиновые граждане 61
Последний залп 61
8 Марта 62
На святой 62
Бессонница 63
Теневой Кремль 64
Водителям 64
Высота бездарности 64
Реальная фантастика 65
Великая связь 65
Певцу 66
В одной стране 67
Признался... 67
Без хозяина 67
Свои — чужие 68

Хризантемы 68
«Жил в деревне босяк...» 69
Отвернулись от жизни 69
Глобалисты экономики 69
Взгляд 70
Старый метод 70
Бухгалтера 70
На том стоим... 71
Сила страсти 71
Приморская откровенность 71
Недалеко от Чевенгура 72
Прав классик 72
По-соседски 73
На крючке обмана 73
Эфирные целители 74
В пути 74
Особняки 75
Без имени 75
При хозяине 76
Шумное собрание 76
Бег на месте 77
«Архитектор» 78
Ящеризм 78
Городские аптеки 78
Парадокс открытий 79
Репродуктор зла 79
К вопросу о телеоккупации 80
«Космические экипажи...» 80
Верблюд в Полесье 81
Славянские корни 81
Юбилейные лицемеры 82
В бестрезвости веков 82
Шустрецы строк 83
Прицельное окружение 83

В энном регионе 83
Межа 84
После просмотра «Великого диктатора» 84
Про себя 85
Экскурс в историю 85
Мысль избирателя 86
Досужим 87
Визитёр 87
Раздумье 88
Литавантюрист 88
Над властью 89
Не тот избранник 89
«Крылатость названной строки...» 90
Ответ 91
Думский реформатор 91
Как купить? 91
Дьявольщина 92
Дорога к рынку 93
Приснилось... 93
Гурзуф 94
Условный рефлекс 95
Взгляд рыбака 95
Тройной патруль 95
Ослеплённые властью 96
Мечты и явь 96
Черноморские чайки 96
Монолог читателя 97
Поймите верно... 97
Сельчанам 98
По дороге 98
Большая просьба 98
На писательском съезде 99
Политики 100
Марусин зять 101

Из архива 102
В новой школе 102
Странная забывчивость 103
На взморье 103
Страна Золотой Коровы (Отрывок из «сказки об Иване Свидетеле») 104
Безмедальный инвалид 108
Монолог женщины 109
Ключник 109
Из командировки 110
Технические новинки 111
Сигнальная ракета 111
Сигаретные девицы 111
«Силовик» 112
Гиблое место 113
«Товары повседневного спроса» 114
На телевидении 115
Прожектёры 116
Дума 117
Тиражные «мадонны» 118
Чарли Чаплин 119
Столичные плясуны 120
Мэрилин Монро 121
Лжеартисты 121
Джо Дассен 122
Алла Баянова 122
Карел Готт 123
Выползок 123
На Есенинском празднике 124
В березняке 125
Под Астраханью 126
«Пляжники» 127
Крымское побережье 127
Судьба актёра 128

Дилемма 128
Ночь. (Поэма) 129

ЗОРИ СЧАСТЬЯ И ЗАРНИЦЫ МЫСЛИ

По перволёдью 140
Особняком 141
Землячки 142
Глушь 143
Дедовы ракиты 143
Из юности 144
Судьба кормильца 145
Выстрел 146
В клубе 146
Под вечер 147
Поэт 147
Откровение путника 148
Освободился 148
У старой мельницы 149
На весах бездушия 150
Ранняя весна 150
Батон 151
Жеребёнок 151
Беспечный ездок 152
Первый гром 152
В деревне 153
Автолавка 153
В мастерской 154
Новость 154
Родня 155
Хуторянки 156
Околичный 157
Заезжий гость 159
В продмаге 160

Зазнался 161
Ярмарка 162
Сверхоптимист 163
Боль потери 164
Под праздник 164
Современничек 165
В фирменном магазине «Дары моря» 166
Старые игрушки 167
Заградотрядец 168
Былое 169
С натуры 170
Не по любви 171
Монолог политзека 171
На побывке 172
Эволюция 173
Исток 174
В Новороссийске 175
Забытая кладка 175
Мудрый совет 175
Нашла где лучше... 176
На распутье 178
Одиночество леча... 179
Мелодия души 180
Колесо прогресса 181
Сложный отец 182
На заре 183
Хозяйка 184
Грузовичок 185
В лесу 186
Половодье 186
На родине авиаконструктора Н.Н. Поликарпова 187
Перед Рождеством 187
Под куполами веков 188
Творчество 189

Кризисное время 189
Пожелание 190
Мартовский лёд 190
Пора капели 191
Хуторские собаки 191
Чья вина? 192
Безвременье 192
Геноатавизм 193
Красота 193
Возрождение 193
Северная ночь 194
Яблони цветут... 194
Мечтатели 195
Отрешённость 195
Учёным 196

ОТЧИСЛЕННЫЙ ПОЭТ
(Неудобные вирши)

Отчисленный поэт (Неудобные вирши) . . . 198
Первый опыт 199
Лоб в лоб 199
Побег 200
Второй опыт 201
Зеркало освобождения 202
Мама 202
Третий опыт 203
В СИЗО 204
Друг юности 205
В столице 205
Четвёртый опыт 206
Встреча 207
«Товарищ-пролетарий» 208
Дебют 209

Реакция на дебют 210
Отчисление 211
Горе 212
Травля 214
Опыт пятый 215
Триумф одиночки 220
Родственные души 222
Запоздалое интервью 223
Стихозавещание (2005-й) 224

Виктор Васильевич Рассохин

•

Сергей Викторович Рассохин

МЫ ВАС ЛЮБИМ, ФРОНТОВИКИ!
(Жизнь не по рифме)

Книга издана в авторской редакции
Дизайн, транспорт – *С.В. Рассохин*

Подписано в печать 1.03.2008 г. Формат 70x90[1]/32.
Бумага офсетная Усл. пл. 8,63. Тираж 2000 экз. Заказ №202

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Типография «Новое время»»
г. Орёл, ул. Итальянская,23